

К.С. Стригунов*

ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БРАЗИЛИИ КАК СУБЪЕКТЫ НЕКЛАССИЧЕСКИХ ВОЙН В ФОРМЕ КРИМИНАЛЬНОГО МЯТЕЖА

*Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования
«Академия политических наук»
125481, Москва, ул. Свободы, 91, к. 2, помещ. 9*

Современные преступные организации (ПО) являются фактором, всё больше дестабилизирующим как отдельные государства и их общества, так и международную систему. На определенном уровне развития они оказываются в состоянии подрывать суверенитет и территориальную целостность государств через установление контроля над некоторыми их территориями. Это может привести к ситуации криминального мятежа, под которым понимается механизм конфронтации с государством, возникающий, когда организованная преступность становится вызовом существованию последнего как такового. В этом отношении особенный интерес представляет изучение опыта стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности Бразилии. В первой части статьи рассмотрены дискуссии относительно применимости понятий «внутренний вооруженный конфликт» (ВВК) и «неклассическая война» для описания ситуации криминального мятежа в этой стране. Особое внимание уделено двум ключевым критериям ВВК: интенсивности насилия и степени организованности противоборствующих сторон. Автор заключает, что по обоим критериям в Бразилии имеет место состояние неклассической войны в форме криминального мятежа, достигшего уровня ВВК. Во второй и третьей частях проанализированы факторы, которые способствовали превращению конкретных бразильских ПО — «Первой столичной команды» («Primeiro Comando da Capital», PCC) и «милиций» — в акторов полноценного криминального мятежа. В случае с PCC речь идет прежде всего о таких факторах,

---

* Стригунов Константин Сергеевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Академия политических наук» (e-mail: sks6891@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6202-7493).

как переход к более гибким сетцентричным принципам организации, перенимание опыта партизан-террористов, сопровождающееся растущей интернационализацией деятельности ПО, на фоне милитаризации бразильской полиции. В случае с «милициями» особое внимание уделено феномену «вооруженной политики», когда организованная преступность оказывается встроена непосредственно и неразрывно в государственный аппарат. Автор заключает, что в Бразилии присутствуют все признаки криминального мятежа, поскольку его основные негосударственные субъекты достигли такого уровня организационной сложности, когда они в состоянии подрывать суверенитет государства, устанавливая доминирование хотя бы на части его территории и выступая в качестве стороны ВВК. Специфика ситуации в Бразилии заключается в том, что такой мятеж осуществляется негосударственными насильственными акторами, которые изначально не имеют политической/идеологической мотивации, однако, могут оказывать настолько же разрушительное воздействие на общество и государственные институты, как если бы эти субъекты ставили перед собой политические цели.

Ключевые слова: Бразилия, преступные организации, криминальный мятеж, внутренний вооруженный конфликт, неклассические войны, негосударственные насильственные акторы, «Первая столичная команда», «милиции», банды третьего уровня

Для цитирования: Стригунов К.С. Преступные организации Бразилии как субъекты неклассических войн в форме криминального мятежа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 125–175. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-125-175.

Konstantin S. Strigunov

BRAZILIAN CRIMINAL ORGANIZATIONS AS SUBJECTS OF NON-CLASSICAL WARS IN THE FORM OF CRIMINAL REBELLION

*Academy of Political Sciences
91-2, Svobody str., Moscow, 125481*

Modern criminal organizations are increasingly destabilizing both individual states and the international system in general. As they reach a certain level of

development, they are able to undermine the sovereignty and territorial integrity of states through the establishment of control over parts of their territories. This can lead to a situation of criminal rebellion, understood as a mechanism of confrontation with the state under which organized crime begins to pose a challenge to the very existence of the latter. In this regard, the case of Latin American and Caribbean countries and, in particular, Brazil is of special interest. The first section examines academic discussions regarding the applicability of the concepts of 'internal armed conflict' and 'unconventional warfare' to the situation of criminal rebellion in Brazil. Special attention is paid to two key criteria — the intensity of violence and the organizational level of the belligerent parties. The author concludes that with regard to both these criteria, there is a state of unconventional warfare in Brazil in the form of a criminal rebellion that has reached the level of the internal armed conflict. The second and third sections of the paper examine the factors that contributed to the transformation of specific Brazilian criminal organizations — the 'First Capital Command' (PCC) and the 'militias' — into actors of a full-fledged criminal rebellion. In the case of the PCC, these factors include the adoption of more flexible network organizational principles and the guerrilla tactics, accompanied by the growing internationalization of criminal activities, against the backdrop of further militarization of the Brazilian police. In the case of the 'militias', the author focuses on the concept of 'armed politics', which describes a situation where organized crime pervades the entire state apparatus. The author concludes that the situation in Brazil shows all the signs of a criminal insurgency, when certain criminal organizations have reached such a level of organizational complexity that they are able to undermine the sovereignty of the state by establishing control over at least part of its territory and acting as a belligerent in the internal armed conflict. The specific of the situation in Brazil is that such an insurgency is carried out by non-state violent actors who formally do not pursue any political/ideological goals. However, due to their destructive potential they should be treated as if they had political goals.

Keywords: Brazil, criminal organizations, criminal rebellion, internal armed conflict, unconventional warfare, non-state violent actors, 'First Capital Command', 'militias', third generation gangs

About the author: Konstantin S. Strigunov — PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Academy of Political Sciences (e-mail: sks6891@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6202-7493).

For citation: Strigunov K.S. 2024. Brazilian criminal organizations as subjects of non-classical wars in the form of criminal rebellion. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 125–175. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-125-175. (In Russ.)

Растущие возможности негосударственных насильственных акторов (НГНА¹) и появление их новых форм представляют собой угрозу как для национальной безопасности государств, так и для международной безопасности в целом. Кроме того, НГНА участвуют в современных военных конфликтах, в том числе отличных от традиционных войн. Следовательно, данный феномен требует глубокого научного осмысления.

НГНА определяются как особые организации, которые:

- 1) мотивированы и способны использовать насилие для достижения своих целей;
- 2) не интегрированы в формализованные государственные институты, такие как регулярные армии, президентская гвардия, полиция или специальные силы;
- 3) обладают определенной степенью автономии в отношении политики, военных операций, ресурсов и инфраструктуры [Hofmann, Schneckener, 2011].

В то же время НГНА могут тайно или открыто поддерживаться или использоваться государственными субъектами. К НГНА относятся ополчения, военизированные формирования, наемники, повстанцы, террористические организации, а кроме того — преступные организации (ПО) с изначально неполитической (экономической) мотивацией².

В последние три десятилетия в ряде стран произошла радикальная организационная трансформация некоторых НГНА, обусловленная глобализацией и факторами, которые стали следствием действий государств. В результате ПО превратились в организационно сложные, разветвленные структуры, способные при определенных условиях бросить вызов правительственным силам. При достижении достаточно высокого эволюционного уровня у некоторых ПО с изначально неполитической мотивацией могут возникнуть

---

¹ Также известны под названием «негосударственные вооруженные акторы» и «негосударственные вооруженные группы».

² Организации, нацеленные на извлечение прибыли незаконным путем. Отметим, что, например, террористические организации и повстанцы также относятся к ПО, однако изначально имеют политическую/идеологическую мотивацию. К некриминальным негосударственным акторам относятся, например, международные неправительственные организации и транснациональные корпорации. Далее, говоря о ПО, мы будем иметь в виду именно ПО с изначально неполитической мотивацией (если не оговорено иное).

признаки террористических, квазитеррористических³ и повстанческих группировок. Кроме того, эти ПО способны объединяться в сети с террористами и партизанами, что приводит к возникновению феномена конвергенции, под которым понимается союз этих НГНА. Например, террористы и повстанцы могут воспользоваться глобальным незаконным рынком, чтобы обеспечить свою деятельность и приобрести оружие и другие средства, жизненно важные для их операций.

В свою очередь многие транснациональные преступные организации (ТПО), как отмечают М. Миклаучич и Ж. Брюэр в работе [Convergence..., 2013: 16], приняли методы террористического насилия, иногда называемые «пропагандой действием», в качестве способа борьбы со своими соперниками и достижения своих целей. Это относится ко многим крупным латиноамериканским бандам («марас») и картелям. Так, в Мексике прибегают к подобным методам картели «Семья Мичоакана» («La Familia Micoacana»), «Синалоа» («Cartel de Sinaloa», CDS), «Картель нового поколения Халиско» («Cártel de Jalisco Nueva Generación», CJNG) и бывший картель «Лос Зетас» («Los Zetas»)⁴. На Гаити террористические инструменты использует криминальный конгломерат «G9», возглавляемый экс-полицейским Джимми «Барбекю» Шеризье⁵. В Колумбии подобные методы применяют

³ Квазитерроризм — это использование террористических методов или тактики в ситуациях, которые сами по себе не являются террористическими преступлениями: Disorders and terrorism // Office of Justice Programs. U.S. Department of Justice. 1976. Available at: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/39469NCJRS.pdf> (accessed: 15.06.2024).

⁴ Террористическое нападение в Морелии, штат Мичоакан: Mexico drug war fast facts // CNN. 20.03.2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2013/09/02/world/americas/mexico-drug-war-fast-facts/index.html> (accessed: 15.06.2024). Уничтожение армейского вертолета боевиками CJNG: Mexican Army helicopter was shot down with rocket-propelled grenades // The Wall Street Journal. 04.05.2015. Available at: <https://www.wsj.com/articles/mexican-army-helicopter-was-shot-down-with-rocket-propelled-grenades-1430783784> (accessed: 15.06.2024). О террористических методах «Los Zetas»: Toledano J. Los Zetas: A look at Mexico's most violent cartel // Grey Dynamics. 27.02.2024. Available at: <https://greydynamics.com/los-zetas-a-look-at-mexicos-most-violent-cartel/> (accessed: 15.06.2024). Террористическая атака в Саламанке, штат Гуанахуато: Bomb at bar in Mexico kills 2, as gangs turn to explosives // The Associated Press. 21.09.2021. Available at: <https://apnews.com/article/mexico-drug-cartels-84c82140f0d1af8d5f31b2ed2943523c> (accessed: 15.06.2024).

⁵ О действиях гаитянских банд, которые применяют террористические методы, см.: Gamba L. Haiti's gang violence has people living in regime of terror // Anadolu Ajansi.

так называемые BACRIM (от исп. *bandas criminales* — преступные группировки), появившиеся после демобилизации ультраправых военизированных формирований, известных как «Объединенные силы самообороны Колумбии» (Autodefensas Unidas de Colombia, AUC)⁶. В Сальвадоре аналогично действует ТПО «Mara Salvatrucha» (MS-13) — группировка, которую в США обвиняли в терроризме⁷. Кроме того, как отмечается в работе [Escenarios y desafíos de la seguridad..., 2017] и в некоторых докладах ООН⁸, растущая конвергенция незаконной деятельности подобных НГНА дала им больше возможностей уклоняться от контрмер государства и преодолевать логистические проблемы.

На определенном уровне своего развития ПО в состоянии подрывать суверенитет и территориальную целостность государства через установление контроля над некоторыми его территориями. Это можно охарактеризовать как криминальный мятеж, под которым понимается такая форма конфронтации с государством, когда организованная преступность начинает представлять вызов существованию последнего как такового [Bustamante, 2020]. В случае криминального мятежа речь идет о высокоорганизованных ПО, которые в состоянии осуществлять социальный контроль через коррупцию, создание атмосферы страха и специфической субкульту-

---

18.10.2022. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/americas/haiti-s-gang-violence-has-people-living-in-regime-of-terror/2714101#> (accessed: 16.06.2024).

⁶ В частности, «Гайтанистские силы самообороны Колумбии» (Autodefensas Gaitanistas de Colombia, AGC): Daniels J. 'It's total terror': Colombian cartel retaliates over kingpin's arrest // The Guardian. 08.05.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/08/gulf-clan-cartel-armed-strike-colombia-otoniel-dairo-antonio-usuga> (accessed: 16.06.2024).

⁷ Речь идет о высшем руководстве этой ПО, известном как «Ranfla Nacional». См.: EEUU acusa de terrorismo a 'líderes de mayor rango' de la Mara Salvatrucha // France 24. 15.01.2021. Available at: <https://www.france24.com/es/minuto-a-minuto/20210115-eeuu-acusa-de-terrorismo-a-l%C3%ADderes-de-mayor-rango-de-la-mara-salvatrucha> (accessed: 16.06.2024). Обвинение в терроризме главарей MS-13 опубликовано на сайте Министерства юстиции США (прокуратура США, Восточный округ Нью-Йорка): Three of the highest-ranking MS-13 leaders in the world arrested on terrorism and racketeering charges // U.S. Department of Justice. 23.02.2023. Available at: <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/three-highest-ranking-ms-13-leaders-world-arrested-terrorism-and-racketeering-charges> (accessed: 16.06.2024).

⁸ Informe del Secretario General sobre el tráfico y los movimientos transfronterizos ilícitos // United Nations. 19.10.2012. Available at: <https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2014/9594.pdf> (accessed: 10.02.2024).

туры, возникающей на территориях, где господствуют или имеют значительное влияние банды и картели. В условиях такого силового контроля участники ПО обладают потенциалом удерживать захваченные ими территории и не допускать на них правительственные силы, включая полицию, военных и др.

В данной работе автор рассматривает высокоразвитые бразильские ПО и ставит вопрос, могут ли они считаться де-факто политическими субъектами и участниками криминального мятежа как формы неклассических войн. Гипотеза исследования состоит в том, что некоторые бразильские ПО в ходе своей эволюции трансформировались в банды третьего уровня⁹ согласно схеме Джона Салливана [Sullivan, 1997], являющиеся основными НГНА криминального мятежа, либо приблизились к этому уровню. Сам криминальный мятеж относится нами к форме неклассических войн — вооруженных конфликтов, в которых государство делает основной акцент не на масштабном применении вооруженных сил, а на информационных операциях, экономических санкциях (если противником выступает другое государство), террористических и диверсионных операциях, использовании сетевым образом организованных групп¹⁰, будь то протестные движения или иррегулярные формирования [Стригунов, 2024], например ПО, террористические организации и повстанцы. Отметим, что у достаточно высокоразвитых ПО типа банд и картелей существуют боевые подразделения, выполняющие аналогичную функцию, что и у повстанцев. Эти НГНА в некоторых исследованиях относятся к гибридным угрозам¹¹, рассматриваемым в данной работе в качестве элементов неклассических войн. Несмотря на наличие научной литературы, посвященной использованию НГНА в межго-

⁹ В оригинале используется термин *generation*, т.е. поколение.

¹⁰ В контексте темы данного исследования под сетевыми группами мы понимаем иррегулярные формирования с преимущественно сетевой формой организации. Такие формирования могут быть у повстанцев, террористов или высокоорганизованных ПО. Примерами ПО с сетевой формой организации являются некоторые картели и «марас» [Wu et al., 2024].

¹¹ Например, в исследовании «Гибридная угроза: преступность, терроризм и повстанческое движение в Мексике»: *The hybrid threat: Crime, terrorism and insurgency in Mexico*. Proceedings of the Joint Policy and Research Forum // Joint Policy and Research Forum co-convened by the George Washington University Homeland Security Policy Institute and the Center for Strategic Leadership, U.S. Army War College. December 2011. Available at: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA557724.pdf> (accessed: 10.05.2024).

сударственных конфликтах (см., например: [Бартош, 2017; Hoffman, 2007]), остается недостаточно изученным участие в неклассических войнах НГНА в качестве самостоятельных субъектов.

Одной из основных научных дискуссий о высокоорганизованных преступных группировках с изначально экономической мотивацией является дискуссия об угрозе, которую эти ПО могут представлять суверенным государствам. В таблице обобщены ключевые положения двух существенно различных и конкурирующих подходов к осмыслению этой проблемы, которые условно можно назвать «доминирующим» (устоявшимся) и «новым» (активно развивающимся).

Основные различия между этими подходами связаны с тем, как они определяют мотивацию, движущую высокоразвитыми ПО в их деятельности. Как показано в работе [Bunker, 2013], главенствующий взгляд на организованную преступность оперирует парадигмой безопасности, которая в свою очередь опирается на положения политического реализма. Один из основных принципов, продвигаемых в рамках последнего, заключается в том, что только государства способны эффективно бросать вызов другим государствам, а негосударственные образования (например, ПО) не могут подняться до такого уровня, чтобы стать угрозой национальной безопасности. Кроме того, организованная преступность лишена какой-либо политической основы и, следовательно, не способна участвовать в политически мотивированном восстании. С точки зрения доминирующей парадигмы члены высокоразвитых ПО рассматриваются как жестокие предприниматели, чьи усилия сосредоточены на незаконном рынке и противостоящих им участниках других ПО (картелей, банд). Согласно этому подходу противодействие государству со стороны таких высокоразвитых ПО и возникающая между последними междоусобная борьба (картель против картеля, банда против банды) не представляют угрозы целостности государства, а для борьбы с картелями и сложноорганизованными бандами (помимо примитивных ПО) достаточно правоохранительных органов. При этом ПО не в состоянии создавать квазигосударства. Среди основных сторонников данного подхода, основывающихся в своих исследованиях в том числе на традиционных криминологических и социологических методах, выделяются Ф. Уильямс [Williams, 2012], П. Кан [Kan, 2012]. Есть и другие исследователи (например, [Морозов, 2018]), считающие,

**Ключевые положения основных подходов к исследованию
высокоразвитых ПО**

Ключевые вопросы	Доминирующий подход	Новый подход
Рассматриваются ли картели и высокоорганизованные банды в качестве политических субъектов?	Нет (повстанческое движение имеет только политическую основу)	Да (преступники в состоянии выступать в роли повстанцев)
Как рассматриваются картели и высокоорганизованные банды?	Организованная преступность (в том числе транснациональная)	Новые де-факто военно-политические субъекты (в состоянии противостоять государству; в отдельных случаях демонстрируют квазигосударственные признаки)
Как рассматриваются члены картелей и высокоорганизованных банд?	Преступники	Преступники-солдаты (преступники-повстанцы)
Что в центре внимания картелей и высокоорганизованных банд?	Незаконный рынок	Незаконный рынок и создание криминальных анклавов (зон безнаказанности)
Имеет ли место политизация картелей и высокоорганизованных банд?	Нет	Де-факто
Какова степень угрозы, исходящей от картелей и высокоорганизованных банд?	Преступления высокой интенсивности (отсутствует угроза целостности государства)	Военные конфликты низкой интенсивности (прямая угроза целостности государства)
Какой уровень реагирования на данную угрозу требуется от государства?	Достаточно правоохранительных органов	Усилий только правоохранительных органов недостаточно, поэтому активно применяются вооруженные силы (имеет место прямая угроза национальной безопасности)

что ПО не могут быть де-факто политическими субъектами и создавать квазигосударства.

Основная идея нового подхода состоит не только в том, что НГНА могут эффективно бросать вызов государствам (например, через установление территориального контроля), но и в том, что они активно участвуют в ранних стадиях «ведения войны и государственного строительства» (согласно Ч. Тилли [Tilly, 1985: 169–187], М. ван Кревелду [Van Creveld, 1991] и В. Фелбаб-Браун¹²). В частности, развитые мексиканские картели рассматриваются как новые военные организации, использующие «солдат-преступников» и ставшие прямой угрозой целостности мексиканского государства. Несмотря на то что изначально мотивация преступных повстанческих движений имеет экономическое происхождение, сами высокоразвитые ПО типа картелей и высокоорганизованных банд за счет создания ими множества «зон безнаказанности» (свободных от государственного влияния) становятся де-факто политическими. Поскольку подобные субъекты являются участниками военных конфликтов низкой интенсивности, соответствующие меры реагирования со стороны государства включают применение вооруженных сил и других элементов обеспечения национальной безопасности. Эти элементы необходимы для выявления и ликвидации главарей ПО, разрушения крупных картелей и банд, а также для восстановления власти государства на территориях, подконтрольных преступным группировкам.

На обозначенные особенности современных ПО указывал, в частности, экс-глава ныне упраздненной Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванов в рамках своего выступления на круглом столе в Институте Латинской Америки РАН (16 декабря 2015 г., Москва): «Особое беспокойство вызывает тот факт, что в последние годы в Центральной Америке картелизация переходит на качественно новый уровень: от картелей семейного типа — к синдикатам-индустриям, гибким адаптивным структурам, имеющим свою контрразведку и разведку, силы быстрого реаги-

---

¹² Felbab-Brown V. Conceptualizing crime as competition in state-making and designing an effective response // The Brookings Institution. 21.05.2010. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/conceptualizing-crime-as-competition-in-state-making-and-designing-an-effective-response/> (accessed: 16.06.2024).

рования, парамилитарные отряды¹³ и пенитенциарную систему, транспортно-логистические и иные службы, что уже с полным основанием позволяет их квалифицировать в качестве квазигосударственных образований, своего рода “государства в государстве”, что, по сути, может рассматриваться как действенная оппозиция, использующая наркотики для роста своего могущества»¹⁴. Среди сторонников подхода, согласно которому высокоразвитые ПО рассматриваются как преступные повстанцы, также следует выделить Р. Банкера [Bunker, 1997], Л. Мура [Moore, 2002], Дж. Салливана [Sullivan, 2019], М. Мэнваринга [Manwaring, 2005], Б.Ф. Мартынова, В.М. Лунина [Современная организованная преступность..., 2017].

Отметим, что подобные дискуссии ведутся не только в научных кругах, но и в профессиональных интернет-изданиях, таких как «Small Wars Journal» и «Insight Crime», в исследовательских центрах и государственных структурах, среди военных экспертов, в том числе в России, странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), а также на Западе.

Если говорить о собственно академических исследованиях феномена НГНА, связи организованной преступности и терроризма, то следует выделить работы А.С. Васнецовой [Васнецова, 2019], Н.В. Румянцева, В.Н. Омелина [Румянцев, Омелин, 2018], И.М. Клеймёнова [Клеймёнов, 2017], Т. Макаренко [Makarenko, 2004], Л. Шелли и Дж. Пикарелли [Shelley, Picarelli, 2005]. Способность террористических групп трансформироваться в ТПО исследовали К. Дишман [Dishman, 2001] и Ф. Уилльямс [Report on terrorism, 1998: 62–92]. Криминальные мятежи, в том числе в ЛАКБ, активно изучают Дж. Салливан [Sullivan, 2019] и Р. Банкер [Networks, terrorism and global insurgency, 2005].

При этом в фокусе внимания исследователей чаще всего оказываются страны ЛАКБ, что неудивительно: из всех совершаемых в мире убийств 26% происходят в четырех латиноамериканских государствах — Бразилии, Колумбии, Мексике и Венесуэле, а в целом

¹³ Примерами могут служить CJNG и наркогруппировки в Колумбии типа AGC. У этих ПО имеются свои иррегулярные формирования — точно так же, как у традиционных партизан.

¹⁴ Виктор Иванов об антинаркотической дипломатии и геополитике России в Латинской Америке // Нет наркотикам. 18.12.2015. Доступ: http://www.narkotiki.ru/5_81672.htm (дата обращения: 20.06.2024).

по региону этот показатель составляет 33%¹⁵. Именно в ЛАКБ существует множество ПО, относящихся к НГНА, часть из которых достигли такого высокого уровня развития, что могут действовать в международном масштабе. В отечественной научной среде о преступности в ЛАКБ, теоретических проблемах криминализации и ее результатах, а также о конвергентной преступности (в том числе наркотрафике и терроризме) и эволюции криминальных кланов был написан ряд фундаментальных трудов [Транснациональный наркобизнес..., 2002; Организованная преступность..., 2014; Современная организованная преступность..., 2017]. Кроме того, данные вопросы исследовали такие авторы, как Л.Р. Клебанов и С.В. Полубинская [Клебанов, Полубинская, 2022], Д.В. Морозов [Морозов, 2018], З.В. Ивановский [Ивановский, 2019], А.С. Колесник [Колесник, 2019], А.Н. Пятаков [Пятаков, 2023]. Отметим, что зарубежные авторы, например А. Баптиста [Baptista, 2019], Э. Ариас [Arias, 2013], А. Бустаманте [Bustamante, 2020], Дж. Салливан [Sullivan, 1997], К. Диас [Dias, 2009], Дж. Фонсека [Fonseca, 2020], этим вопросам также уделяют значительное внимание. Однако даже при наличии внушительного числа трудов отечественных и зарубежных исследователей остается довольно много пробелов в том, что касается специфики эволюции ПО и НГНА вообще и их трансформаций в частности.

Особый интерес в контексте данной дискуссии представляет кейс Бразилии. В экспертной среде ведутся активные споры о том, является ли противостояние ПО и государства, а также между самими ПО в этой стране внутренним вооруженным конфликтом (ВВК) и криминальным мятежом. Так, некоторые эксперты отрицают наличие ВВК в Бразилии, считая, в частности, что государство сохраняет контроль над своей территорией и де-юре, и де-факто [Foley, 2022]. Другие полагают, что ситуация в стране не достигает порога, необходимого для того, чтобы считаться ВВК. По мнению этих авторов, насилие в Бразилии ни по степени интенсивности, ни по уровню организации негосударственных вооруженных группировок не соответствует тому, чтобы быть квалифицированным как

---

¹⁵ Muggah R., Tobón K. Citizen security in Latin America: Facts and figures // Igarapé Institute. April 2018. Available at: <https://igarape.org.br/wp-content/uploads/2018/04/Citizen-Security-in-Latin-America-Facts-and-Figures.pdf> (accessed: 10.05.2024).

подобный феномен [Palma, 2023]. Вместе с тем есть исследователи, которые высокий уровень насилия в Бразилии и организованность ПО рассматривают как аргументы в пользу тезиса о наличии в этой стране криминального мятежа и ВВК [Silva, 2018; Diniz, McBrien, 2022].

Выбор Бразилии для данного исследования обусловлен также тем, что в этом государстве, для которого в целом характерен весьма высокий уровень преступности, за последние несколько десятилетий ситуация в сфере безопасности не только не улучшилась, но, напротив, заметно ухудшилась. Так, количество убийств на каждые 100 тыс. человек в большинстве бразильских штатов с 1980 г. выросло в разы, а в отдельных штатах (например, в Мараньяне) — более чем на порядок¹⁶. В абсолютных величинах показатель гибели населения Бразилии вследствие противостояния между ПО и государством, а также между самими ПО является наибольшим в ЛАКБ и одним из наибольших в мире. Для сравнения: в Колумбии в 2010–2021 гг. количество насильственных смертей находилось в диапазоне от 11 452 до 16 440 человек в год¹⁷, в Мексике — от 25 760 до 36 770 человек¹⁸. В Бразилии в тот же период от рук преступников погибали свыше 40 тыс. человек в год, а в отдельные годы — более 60 тыс. человек (рис. 1), т.е. по данному показателю она превосходила Колумбию и Мексику вместе взятые. Из этого следует, что в Бразилии сохраняются условия для перманентно высокого уровня организованного насилия и вместе с тем существуют специфические факторы, поддерживающие его. Если государство не в состоянии радикально уменьшить такое насилие, то речь идет как о слабости государственных институтов, так и о высоком уровне организации местных НГНА, способных не только адаптироваться под давлением силовых ведомств, но и оказы-

¹⁶ См.: Taxa homicídios. Mapa da violência do IPEA // Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. 2021. Available at: <https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/dados-series/20> (accessed: 12.02.2024).

¹⁷ Number of victims of intentional homicides in Colombia from 2010 to 2022 // Statista Research Department. 08.12.2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/917683/colombia-number-homicides/> (accessed: 02.05.2024).

¹⁸ Number of victims of intentional homicide in Mexico from 2000 to 2021 // Statista Research Department. 09.08.2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/312488/number-of-homicides-in-mexico/> (accessed: 02.05.2024).

вать мощное противодействие государству вплоть до осуществления локального территориального контроля.

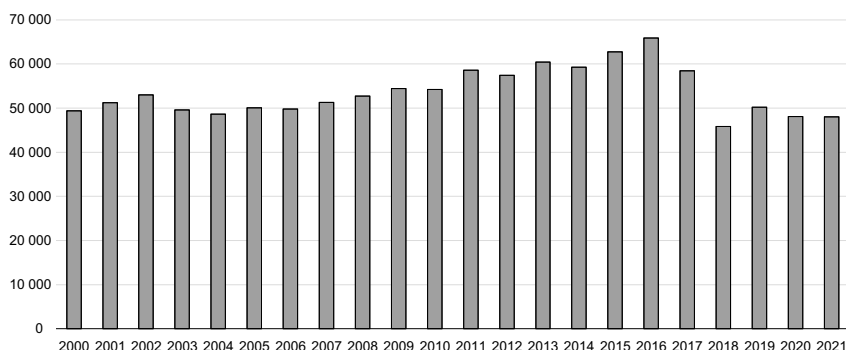

Рис. 1. Количество убийств в Бразилии по годам

Составлено автором на основе: Taxa homicídios. Mapa da violência do IPEA // Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. 2021. Available at: <https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/dados-series/20> (accessed: 12.02.2024).

Кроме того, за последние 35 лет в Бразилии возникли новые ПО, деятельность которых в отдельных случаях достигла международного размаха. Так, крупнейшая бразильская ПО, известная под названием «Первая столичная команда» («Primeiro Comando da Capital», РСС¹⁹), о которой речь пойдет дальше, действует по всей Южной Америке, а ее операции охватывают также США, Европу, Африку и Азию²⁰ [Castro et al., 2023; Pavão dos Santos, 2021]. Благодаря известным сведениям об этой ПО на ее примере легче всего проследить эволюционный путь от локальной тюремной банды до уровня ТПО.

Бразильский кейс интересен еще и тем, что в последние два десятилетия на целые районы ряда бразильских городов стали активно распространять свое влияние ПО под названием «милиции», имеющие тесные связи с силовыми структурами и другими государ-

¹⁹ О генезисе этой ПО см.: [Pavão dos Santos, 2021; Lima et al., 2022].

²⁰ Treasury uses new sanctions authority to combat global illicit drug trade // U.S. Department of the Treasury. 15.12.2021. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0535> (accessed: 17.06.2024).

ственными ведомствами. Значительный рост площади контролируемых «милициями» территорий в последние 15–20 лет указывает на существенные организационные изменения этих ПО, позволяющие им всё более эффективно вытеснять банды и официальные власти. Отметим, что в отечественной научной литературе этому типу ПО внимание почти не уделялось. В то же время за рубежом данный вопрос исследован гораздо лучше, что, в частности, отражено в работах таких авторов, как В. Коуто и К. Фильо [Couto, Filho, 2019], И. Линс и К. Мачадо [Lins, Machado, 2023], П. Мансо [Manso, 2020], Р. Пастор [Pastor, 2021], С. Петерке [Peterke, 2011]. При этом научная литература, посвященная «милициям», не отвечает на все вопросы о механизмах их эволюции, организации этих ПО, их взаимодействии с властью и других особенностях.

Таким образом, в Бразилии имеются сразу две существенно различающиеся между собой формы ПО как разновидности НГНА: противопоставляющие себя государству банды, наиболее ярким представителем которых является РСС, а также теснейшим образом связанные с государственными институтами «милиции», одновременно играющие роль параллельной власти на подконтрольных им территориях.

С учетом особенностей ПО Бразилии и недостаточной изученности их специфики исследование бразильских реалий представляется весьма актуальным. В то же время данный кейс вполне репрезентативен, поскольку некоторые бразильские ПО обладают признаками, характерными для преступных сообществ многих стран ЛАКБ, например способностями создавать сложные тюремно-уличные комплексы²¹, осуществлять экспансию за пределы своего города или штата, устанавливать территориальный контроль, милитаризоваться.

В данной статье автор ставит своей целью показать, что действия бразильских ПО в отношении государства имеют признаки криминального мятежа и являются формой неклассических войн, достигающих порога ВВК. Задачи исследования состоят в том, чтобы выявить факторы, способствующие криминальному мятежу в Бразилии, на примере конкретных ПО — РСС и «милиций».

²¹ Под тюремно-уличным комплексом понимается совокупность взаимосвязанных структурных элементов ПО, действующих как в тюрьмах, так и на улицах.

Соответствие криминального мятежа в Бразилии понятиям «внутренний вооруженный конфликт» и «неклассическая война»

Под ВВК понимается затяжное вооруженное противостояние между правительственными силами и одной или несколькими вооруженными группировкам либо между разными ПО на территории государства. Вооруженное противостояние должно достичь хотя бы минимального уровня интенсивности, а стороны, участвующие в конфликте, должны проявить хотя бы минимальную организованность²². ВВК определяются и регулируются статьей 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. («общая статья 3»²³), и вторым Дополнительным протоколом («Дополнительный протокол II») 1977 г. к Женевским конвенциям²⁴.

При этом, следуя подходу Я. Клеффнера, мы полагаем, что вооруженная группа может считаться «организованной» при условии, если она обладает командной структурой, дисциплинарными правилами и механизмами [Kleffner, 2019]. Схожим образом «организованность» определяется документами Управления ООН по наркотикам и преступности²⁵. В качестве «интенсивного» рассматривается такое насилие, которое включает гибель людей, ранения, разрушение или повреждение объектов в ходе противоборства сторон. Сам критерий

---

²² Non-international armed conflict (NIAC) // United Nations Office for Disaster Risk Reduction. 15.01.2020. Available at: <https://www.undrr.org/understanding-disaster-risk/terminology/hips/so0002#> (accessed: 10.02.2024); How is the term 'armed conflict' defined in international humanitarian law? // International Committee of the Red Cross. March 2008. Available at: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf> (accessed: 12.02.2024).

²³ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Организация Объединенных Наций. Конвенции и соглашения. 12.08.1949. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 10.02.2024).

²⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) // Международный Комитет Красного Креста. 08.06.1977. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁵ В документе «организованность» определяется такими факторами, как «существование той или иной формы командной структуры и сопутствующих дисциплинарных правил и механизмов, управляющих группой»: Categorization of an armed conflict // UNODC. 2024. Available at: <https://www.unodc.org/e4j/zh/terrorism/module-6/key-issues/categorization-of-armed-conflict.html> (accessed: 18.06.2024).

организованности мы в равной степени применяем и к вооруженным силам государства, и к НГНА. Наконец, когда несколько НГНА и государственные вооруженные силы противостоят друг другу, уровень интенсивности конфликта рассматривается кумулятивно. Это означает, что высокая интенсивность может быть достигнута за счет накопления насилия, возникающего между всеми такими субъектами независимо от того, действуют они изолированно или вступают в альянсы, но при условии, что акты насилия со стороны нескольких НГНА происходят в географическом и временном континууме²⁶. Данный континуум необходим для отделения актов насилия, которые происходят в определенном месте и в пределах достаточной временной близости, от разрозненной серии актов насилия, совершаемых различными НГНА в течение длительного времени и рассредоточенных в пространстве (географически). Для определения уровня интенсивности мы используем классификацию Уппсальского университета, согласно которой при количестве смертей от 25 до 1000 человек в год конфликт считается незначительным, а свыше 1000 — относится к войне²⁷.

Говоря о Бразилии, следует отметить, что в этой стране ежегодно гибнут насильственной смертью десятки тысяч (!) человек. Пик убийств пришелся на 2016 г., когда погибли порядка 65 тыс. человек. Более того, даже в отдельных штатах показатель насильственных смертей огромен. Так, в штате Баия в 2021 г. погибли свыше 7 тыс. человек²⁸, и это не самый опасный штат. Таким образом, превышение порога ВБК в Бразилии имеет место на уровне как всей страны, так и ряда штатов.

Необходимо подчеркнуть, что мы считаем неправильным ограничивать феномен ВБК только случаями, когда речь идет о потерях противоборствующих сторон в ходе боевых действий исключительно между вооруженными силами государства и повстанческими/террористическими группировками или между самими повстанче-

²⁶ Этот аспект особенно выделяется в работе [Kleffner, 2019].

²⁷ UCDP/PRIO armed conflict dataset codebook. Version 19.1 // Uppsala Conflict Data Program. 2019. Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdpprio/ucdp-prio-acd-191.pdf> (accessed: 12.02.2024).

²⁸ Taxa homicídios. Mapa da violência do IPEA // Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. 2021. Available at: <https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/dados-series/20> (accessed: 12.02.2024).

скими/террористическими группировками. Для того чтобы определить, относится ли то или иное противостояние к ВВК или нет, в первую очередь следует установить, соответствует ли ситуация в конкретной стране двум ключевым критериям ВВК: интенсивности насилия и наличию организации у противоборствующих сторон. Если соответствие критериям ВВК есть, то не имеет никакого значения мотивация НГНА — политическая она или экономическая²⁹. Это логично, поскольку для государства и общества неважно, что стало причиной разрушительного воздействия ПО на общественно-политическую систему. Пока организованное насилие имеет достаточную интенсивность, а вооруженные преступные группы обладают достаточным потенциалом для координации и осуществления боевых действий, речь идет о ВВК.

Значительная часть убийств в Бразилии, куда входят убийства самих преступников, государственных служащих и гражданских лиц, совершена именно организованной преступностью и не относится к преступлениям, например, на бытовой почве. На организованную преступность приходится от 70 до 80% убийств в Бразилии, включая гибель участников ПО, вступающих в вооруженное противостояние друг с другом или в столкновения с силовыми структурами³⁰. В комментарии Международного Комитета Красного Креста также подчеркивается, что необходимая интенсивность конфликта достигается тогда, «когда правительство вынуждено использовать военную силу против повстанцев, а не просто полицейские силы»³¹. В Бразилии власти давно и активно

---

²⁹ Как отмечают исследователи Женевской академии международного гуманитарного права и прав человека, в ВВК «клеяние вооруженной группы как террористической или преступной, а также цель или идеология группы не имеют значения». См.: Is there a non-international armed conflict in Ecuador? // The Geneva Academy. 02.02.2024. Available at: <https://www.geneva-academy.ch/news/detail/687-is-there-a-non-international-armed-conflict-in-ecuador> (accessed: 17.06.2024).

³⁰ См.: Westin R. Redução de homicídios pode gerar falsa sensação de segurança, dizem especialistas Fonte: Agência Senado // Agência Senado. 25.03.2022. Available at: <https://www12.senado.leg.br/noticias/infomaterias/2022/03/reducao-de-homicidios-pode-gerar-falsa-sensacao-de-seguranca-dizem-especialistas> (accessed: 17.06.2024).

³¹ Комментарий № 425 (от 2016 г.) к Конвенции (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих вооруженных силах: Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. Commentary of 2016 // International Committee of the Red Cross. 2016. Available

используют военных для борьбы с ПО³². Наконец, следует отметить, что количество насильственных смертей в год в Бразилии превосходит аналогичный показатель во многих странах, где действуют повстанцы/террористы, являющиеся признанными сторонами ВВК.

Что касается критерия организованности, то бразильские ПО обладают достаточным ее уровнем, поскольку способны осуществлять длительный силовой контроль над территориями и противостоять силовым ведомствам государства. Схожая ситуация в Мексике, где наркокартели контролируют целые районы, а для борьбы с ними власти применяют военных и Национальную гвардию³³. В Колумбии для противостояния ПО типа BACRIM, например AGC, также используются военные, как в случае с поимкой главаря этой организации по прозвищу «Отониэль» в ходе операции «Агаменон» («Operación Agamenón»)³⁴ в 2021 г.

В то же время мы полагаем, что в Бразилии противостояние ПО и государства, а также преступных группировок между собой следует рассматривать и как форму неклассических войн. Как уже отмечалось, для достижения военно-политического результата в неклассических войнах акцент делается, в частности, на использовании сетевых групп [Стригунов, 2024]. К ним относятся протестные

at: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gci-1949/article-3/commentary/2016?actTab=1949GCs-APs-and-commentaries#125> (accessed: 17.06.2024).

³² Примеры: Forças armadas são solução no combate ao crime organizado? // CartaCapital. 11.11.2023. Available at: <https://www.cartacapital.com.br/politica/forcas-armadas-sao-solucao-no-combate-ao-crime-organizado/%20%20;%20> (accessed: 17.06.2024); Militares e moradores fazem balanço da ocupação do Alemão // Globo. 2015. Available at: <https://g1.globo.com/rio-de-janeiro/noticia/2015/11/militares-e-moradores-fazem-balanco-da-ocupacao-do-alemao.html> (accessed: 17.06.2024); Maré — Um laboratório para o Rio: A ocupação militar na Maré (2014) e a Intervenção Federal (2018) // Centro de Estudos de Segurança e Cidadania. 27.05.2018. Available at: <https://cesecseguranca.com.br/participacao/mare-um-laboratorio-para-o-rio-a-ocupacao-militar-na-mare-2014-e-a-intervencao-federal-2018/> (accessed: 17.06.2024).

³³ Las fuerzas armadas mexicanas cumplirán labores de seguridad pública hasta 2024 // France 24. 12.05.2020. Available at: <https://www.france24.com/es/20200512-fuerzas-armadas-mexicanas-cumpliran-labores-seguridad-publica-2024> (accessed: 17.06.2024).

³⁴ Así fue la Operación Agamenón que logró dar con el paradero de alias 'Otoniel' // El Espectador. 24.10.2021. Available at: <https://www.elespectador.com/judicial/asi-fue-la-operacion-agamenon-que-logro-dar-con-el-paradero-de-alias-otoniel/> (accessed: 17.06.2024).

движения (например, в «цветных революциях») и организованные по сетевому принципу иррегулярные военизированные формирования. С помощью средств, методов и технологий неклассических войн возможно достижение военно-политического результата, сопоставимого с результатом в классических войнах, где акцент делается на масштабном использовании вооруженных сил в форме прямых военных действий.

В неклассических войнах хотя бы одна из сторон конфликта не применяет вооруженные силы (регулярные войска)³⁵. Государство, как правило, обладает армией, но если оно ведет неклассическую войну, то может не задействовать ее в форме традиционных масштабных военных действий, а использовать, например, сетевые группы, информационные операции. Вместе с тем государство может применять свои вооруженные силы и в ответ на развязанную другим государством неклассическую войну. Однако данный ответ в отношении государства-противника будет не прямой, а опосредованный, т.е. против иррегулярных военизированных формирований, использованных государством-противником, не участвующим в конфликте напрямую, как это было, например, в Сирии³⁶. В случае с криминальным мятежом НГНА, бросающие вызов государству, не обладают вооруженными силами в их традиционном понимании. При этом государство способно использовать против НГНА свои регулярные войска.

К основным негосударственным субъектам неклассической войны в Бразилии относятся развитые ПО, для которых характерен сетевой тип организации и которые способны бросить вызов государству, подорвать его суверенитет хотя бы на части его территории. В этой связи мы считаем, что в Бразилии имеет место состояние неклассической войны в форме криминального мятежа, достигшего

---

³⁵ Существуют небольшие государства, не имеющие регулярных войск, но у них, например, есть двустороннее соглашение с другим государством, которое обязуется оказать военную помощь в случае нападения. Пример — Андорра, которую в случае нападения обязаны защищать Франция и Испания, т.е. функцию вооруженных сил Андорры будут выполнять вооруженные силы этих двух государств («Соглашение о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»).

³⁶ В 2011 г. коалиция западных и ближневосточных стран развязала войну против правительства Сирии, использовав в качестве основного инструмента парамилитарные вооруженные формирования. См.: [Репко, 2017].

уровня ВВК. Этот мятеж не ставит задачу прямого захвата власти, а радикально меняет структуры управления, доступ к экономике и культурную жизнь [Khoday, 2016]³⁷. Специфика данного феномена заключается в том, что такой мятеж, достигающий уровня ВВК, одновременно являясь формой неклассических войн, осуществляется НГНА изначально без политической/идеологической мотивации. Вместе с тем криминальный мятеж оказывается возможным при достижении его субъектами, т.е. ПО с изначально неполитическими/неидеологическими целями, в ходе своей эволюции достаточно высокого организационного уровня, который позволяет им оказывать такое разрушительное воздействие на общество и государственные институты, как если бы эти субъекты ставили перед собой политические цели [Стригунов и др., 2022].

Важно отметить, что высокоорганизованные ПО с изначально экономическими целями способны влиять на государство и общество не менее, а в некоторых случаях — и более разрушительно, чем НГНА с политической мотивацией. Небольшие ПО, с которыми может справиться полиция, не в состоянии фактически достигать политических целей, поскольку не обладают соответствующими ресурсами и организацией. Однако по мере организационного усложнения и увеличения ресурсов ПО способны оказать настолько деструктивное влияние на общественно-политическую систему государства, что это имеет политические последствия, даже если сами ПО к этому не стремятся. Значит, де-факто они становятся политическими субъектами. Подчеркнем: речь не идет о формальных признаках, например о наличии политической программы, идеологии и декларации своих политических намерений. Так, террористы/повстанцы могут фактически контролировать территории государства и заявлять о стремлении выйти из его состава. Высокоорганизованная криминальная группировка с изначально экономической мотивацией не имеет политических целей и никак их не декларирует, но точно так же в состоянии контролировать значительные территории, устанавливая там свою фактическую

³⁷ Sullivan J. Criminal insurgency: Narcocultura, social banditry, and information operations // Small Wars Journal. 03.12.2012. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/criminal-insurgency-narcocultura-social-banditry-and-information-operations> (accessed: 13.02.2024).

власть. Далее, для противодействия бразильским ПО в условиях ВВК недостаточно усилий одной полиции, поэтому применяются войска. Разумеется, сказанное относится только к тем ПО, которые обладают необходимым уровнем организации. Сам факт того, что действия подобных высокоорганизованных ПО ведут к возникновению ВВК, означает, что они становятся де-факто политическими субъектами.

В этом отношении обращают на себя внимание выводы профессора Н. Гилмана, сделанные на основе изучения мексиканских картелей³⁸, согласно которым статус последних как политических игроков основан на трех факторах³⁹:

- они применяют значительное количество насилия для навязывания своей воли и разрешения незаконных договорных споров. Использование насилия приводит таких политических акторов в конфликт с одним из ключевых источников легитимности государства, а именно с его монополией на социально санкционированное применение силы, превращая картели из просто преступных бизнесменов в преступных повстанцев;

- в некоторых случаях эти новые де-факто политические субъекты начинают выступать в качестве частных судей, оказывать услуги в сфере здравоохранения, строить инфраструктуру, т.е. обеспечивать те блага, которые состоявшиеся государства должны предоставлять своим гражданам;

- картели всё больше контролируют значительные части мировой экономики и занимают экономически значимое место на территориях, где государство ослабевает.

Аналогичным образом обстоят дела с центральноамериканскими «марас», которые, как отмечается в отчете Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, «могут напрямую контролировать общество и де-факто осуществлять власть в регионах, где они действуют»⁴⁰.

---

³⁸ Аргументация, используемая Н. Гилманом для мексиканских картелей, подходит для любых ПО, обладающих достаточно высоким уровнем организации и ресурсов.

³⁹ Сама статья профессора Н. Гилмана опубликована в журнале «The American Interest»: Gilman N. The twin insurgency // The American Interest. 2014. Vol. 9. No. 6. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2014/06/15/the-twin-insurgency/> (accessed: 18.06.2024).

⁴⁰ Guidance note on refugee claims relating to victims of organized gangs // United Nations High Commissioner for Refugees. 31.03.2010. Available at: <https://www.refworld.org/policy/legalguidance/unhcr/2010/en/72812> (accessed: 18.06.2024).

Далее мы на конкретных примерах рассмотрим, какие факторы способствовали превращению бразильских ПО в субъектов неклассических войн в форме криминального мятежа. Для этого мы введем классификацию эволюционных уровней ПО, которая основана на работах Дж. Салливана, посвященных бандам⁴¹ [Sullivan, 1997]. Исследователь выделяет три уровня ПО:

1) банды первого уровня — это традиционные уличные банды, совершающие повседневную преступную деятельность; они территориально ориентированы, поскольку, когда преступность начинает организовываться, она имеет тенденцию доминировать в определенных районах;

2) банды второго уровня занимаются бизнесом, предприимчивы и сосредоточены на наркотиках, также могут осуществлять другую деятельность, например незаконный оборот оружия; масштаб их деятельности может соответствовать национальному или даже международному уровню;

3) банды третьего уровня действуют уже в глобальном масштабе, они в состоянии преследовать политические цели, поскольку склонны подменять государство в подконтрольных районах и защищать территориальную зону влияния так же, как повстанческие политические группы. Соответствуют трем главным критериям: политизация, изошренность (сложность) и интернационализация.

В контексте данного исследования наибольший интерес представляют банды третьего уровня.

⁴¹ Отметим, что в данном исследовании используется термин «банда» в более широкой трактовке, чем в ст. 209 УК РФ. Так, согласно ст. 209 УК РФ банда — это организованная устойчивая вооруженная группа, состоящая из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда в смысле УК РФ соответствует бандам первого или частично второго уровня в схеме Дж. Салливана. Однако при переходе на третий уровень банда (в широкой трактовке) приобретает признаки незаконного вооруженного формирования (из ст. 208 УК РФ следует, что незаконное вооруженное формирование может представлять собой объединение, отряд, дружину или иную группу, не предусмотренную федеральным законом), организации наемнического типа и повстанческой/террористической организации с политическими целями. Поскольку в данной статье речь идет преимущественно о ПО, обладающих признаками или частично соответствующих признакам банд третьего уровня согласно схеме Дж. Салливана, термин «банда» в данной работе употребляется в более широкой трактовке, чем в УК РФ.

«Primeiro Comando da Capital»

как участник криминального мятежа в Бразилии

Численность РСС составляет порядка 30–35 тыс. человек; кроме того, данная группировка контролирует еще 550 тыс. лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы [Coutinho, 2019]. Считается, что РСС была основана 31 августа 1993 г. восемью заключенными в тюрьме «Таубате», штат Сан-Паулу, и с тех пор претерпела существенную трансформацию, по ряду признаков эволюционировав до банды третьего уровня.

Возникновению РСС предшествовала бойня в тюрьме «Карандиру» (1992), когда были убиты 111 заключенных⁴². Часть выживших во время тех событий основали РСС. Это один из ярчайших примеров того, как скученность, не позволяющая отделять членов одной банды от другой [Современная организованная преступность..., 2017: 201], а также тяжесть условий заключения, плохое питание и т.д., вызывающие тюремные бунты [Клебанов, Полубинская, 2022], привели к становлению крупнейшей преступной группировки. Пройдя несколько стадий развития — от мелкой тюремной банды до гигантского преступного синдиката, чья гибкая структура напоминает «Аль-Каиду»⁴³ (запрещенная в России террористическая организация), РСС продемонстрировала колоссальный прогресс в совершенствовании своей организации.

Одним из ключевых факторов, способствовавших организационному усложнению РСС, стала изоляция главарей данной ПО в тюрьмах. Это было связано с тем, что после создания Федеральной пенитенциарной системы в Бразилии главарей группировок перемещали в федеральные тюрьмы. РСС не стала исключением, что нарушило командную структуру этой ПО, когда ее руководство утратило возможность передавать директивы своим подчиненным или их передача была затруднена. Данное событие произошло на эта-

---

⁴² Это произошло в результате вмешательства военной полиции штата Сан-Паулу в целях сдерживания восстания преступников в тюрьме «Карандиру». Данное событие имело широкий общественный резонанс в Бразилии.

⁴³ Sullivan J. From drug wars to criminal insurgency: Mexican cartels, criminal enclaves and criminal Insurgency in Mexico and Central America. Implications for global security // HAL SHS (Sciences de l'Homme et de la Société). 03.05.2012. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-00694083/document> (accessed: 13.02.2024).

пе перехода к торговле наркотиками, когда группировка стала чаще прибегать к террористической тактике (попытки взорвать общественные здания, похищения людей, убийства судей и т.п.). Отойдя от вертикально-интегрированной формы организации в пользу децентрализованной структуры, группировка создала несколько «отделов», каждый из которых стал выполнять определенную функцию. В результате РСС начала работать как тайная преступная сеть, где обязанности были четко разделены [Fonseca, 2020]. В целом реакция ПО на изоляцию ее лидеров в виде создания автономных суборганизаций была логичной и привела к усложнению всей группировки (см.: [Schneider et al., 2019]), а также способствовала ее интернационализации и выходу на международные «рынки», поскольку изначально жесткая вертикальная интеграция и отбор в РСС препятствовали такому расширению, особенно в условиях противодействия со стороны государства и перемещения лидеров ПО в федеральные тюрьмы.

Другой особенностью РСС является фактор кооптации в нее профессионалов-террористов и партизан, обладающих обширным опытом повстанческой деятельности. Так, с 1999 г. с руководством РСС поддерживал контакты чилийский партизан-революционер Маурисио Эрнандес Норамбуэна, бывший участник Патриотического фронта им. Мануэля Родригеса. В 2002 г. он был арестован и отправлен в бразильскую тюрьму за похищение бразильского бизнесмена Вашингтона Оливетто [Arruda, 2020]. Как отмечают М. Кристино и К. Тоньолли, РСС стала гораздо более сложной с точки зрения ее структуры и образа действий в течение периода контактов с М. Норамбуэной [Christino, Tognolli, 2017]. По мнению авторов, подобные корректировки были бы невозможны без внешнего влияния. Спецгент Федеральной полиции Бразилии Гильерме Фонсека также указывает на сходство организационной структуры, реализованной РСС на этом этапе, со структурой нескольких левых террористических организаций предыдущих десятилетий [Fonseca, 2020].

Кроме того, приблизительно в то же время (начало 2000-х годов) участники РСС стали активно применять террористические методы для оказания давления на власти (например, теракты в мае 2006 г.⁴⁴).

⁴⁴ В штате Сан-Паулу с 12 по 20 мая 2006 г. участники РСС осуществили нападения, известные как «Майские преступления», в отместку за изоляцию 765

Лидер РСС Маркос Уильямс Хербас Камачо, известный под прозвищем «Маркола», фактически стал учеником М. Норамбуэны, переняв у того концепции асимметричной и городской партизанской войны, а также развил политическую программу РСС⁴⁵, что отмечается в работе [Coutinho, 2019], т.е. имело место сочетание структурных изменений с идеологическими адаптациями. Сама же идеология РСС строилась на антисистемных (антигосударственных) принципах, равенстве и справедливости⁴⁶, отраженных в лозунгах фракции «брат не убивает брата», «преступники должны объединяться»⁴⁷, «мир, справедливость, свобода, равенство и союз» и т.п., которые стали частью ее политизации, на что указывается в работе [Fonseca, 2020].

РСС интернационализирует свою деятельность, как установили ряд исследователей [Castro et al., 2023; Pavão dos Santos, 2021]. В частности, она демонстрирует растущую заинтересованность в вербовке новых членов, например бывших участников демобилизованной в 2016 г. группировки «Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа» («Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo», FARC-EP) [см. подробнее: Klein, 2019]. Интерес этот связан с возможностью пройти военную под-

---

заключенных из этой группировки в тюрьме накануне праздника Дня матери (Dia das Mães). Преступники убили 59 агентов служб безопасности на улицах и подняли восстание в 74 тюрьмах Сан-Паулу. Кроме того, в ходе актов насилия, в которых принимали участие как преступники, так и полиция вместе с «группами истребления» (grupos de extermínio), погибли 505 гражданских лиц. См.: Jozino J. Após ataques de maio de 2006, PCC se estruturou como organização mafiosa // UOL (Universo Online). 12.05.2022. Available at: <https://noticias.uol.com.br/colunas/josmar-jozino/2022/05/12/apos-ataques-de-maio-de-2006-pcc-se-estruturou-como-organizacao-mafiosa.htm> (accessed: 18.06.2024).

⁴⁵ Л. Коутиньо, по всей видимости, имеет в виду первый опубликованный устав «Партии преступников» («Partido do Crime» — так называлась РСС в самом начале своего существования), также известный как «Устав 1997 года». С полным текстом этого документа можно ознакомиться в работе Р. де Анжелиса (приложение А): A ordem da 'paz justa e liberdade': Uma análise da organização institucional e ideológica do PCC e do comando vermelho e sua força paralela ao estado nas comunidades // Universidade Estadual da Paraíba. 2020. Available at: https://dspace.bc.uepb.edu.br/jspui/bitstream/123456789/22480/2/RAFAEL_DE_ANGELIS.pdf (accessed: 18.06.2024).

⁴⁶ Идеология РСС исследовалась, в частности, в работе [Baptista, 2019].

⁴⁷ Дословно фраза (третий пункт в «Уставе 1997 года») звучит так: «A união da Luta contra as injustiças e a opressão dentro das prisões» — «Единство борьбы против несправедливости и угнетения в тюрьмах».

готовку у бывших колумбийских партизан и добиться контроля над маршрутами перевозки наркотиков на стыке границ государств бассейна реки Амазонки⁴⁸. Кроме того, расследования, проведенные Федеральной полицией Бразилии, выявили связи между РСС и «Хезболлой» в операциях по незаконному обороту наркотиков. Бразильские преступники обеспечивают защиту ливанским дилерам и выступают в качестве их логистических операторов, отправляющих наркотики через бразильские порты в Африку, Европу и на Ближний Восток⁴⁹. Смычка с партизанскими и террористическими организациями⁵⁰ способствовала эволюции РСС до банды третьего уровня. Она заимствовала навыки, методы и тактику инсургентов, во многом — как результат вербовки их боевиков, которые в ряде случаев кардинально преобразуют кооптирующие их криминальные структуры.

Наконец, еще одним фактором, повлиявшим на эволюцию РСС, была милитаризация бразильской полиции. Во время правления военной хунты в Бразилии (1964–1985) ее перевели под юрисдикцию вооруженных сил [Bicudo, 2000: 95]. Однако даже после принятия Конституции 1988 г. функции военной полиции остались неизменными. По мнению Х. Бикудо, бразильская полиция ведет войну с преступностью, используя те же методы, которые применяют военные для борьбы с партизанами [Bicudo, 2000: 96]. Исследователи указывают на то, что военная полиция действует так, как будто

⁴⁸ О связях диссидентов FARC-EP и РСС сообщил бывший министр обороны Колумбии Луис Карлос Вильерас: Brazil's PCC is recruiting FARC dissidents: Colombia Defense Minister // InSight Crime. 01.02.2017. Available at: <https://insightcrime.org/news/brief/brazil-pcc-recruiting-farc-dissidents-colombia-defense-minister/> (accessed: 15.02.2024).

⁴⁹ О связях РСС и «Хезболлы» см.: Polícia Federal aponta elo entre facção brasileira e Hezbollah // O Globo. 11.09.2014. Available at: <https://oglobo.globo.com/politica/policia-federal-aponta-elo-entre-facciao-brasileira-hezbollah-14512269> (accessed: 15.02.2024). Кроме того, информацию об этих связях подтвердило итальянское Управление расследований по борьбе с мафией: Relazione del Ministro dell'Interno al Parlamento sull'attività svolta e sui risultati conseguiti dalla Direzione Investigativa Antimafia // Ministero dell'Interno. Luglio-Dicembre 2022. Available at: https://direzioneeinvestigativaantimafia.interno.gov.it/wp-content/uploads/2023/09/DIA_secondo_semestre_2022Rpdf.pdf (accessed: 15.02.2024).

⁵⁰ В России «Хезболла» не признана террористической организацией; таковой ее признали США, Израиль, Великобритания и ряд других стран.

в стране введен режим чрезвычайного положения [Pastor, 2021: 64]. Ситуация схожа с тем, что произошло в Мексике, где власти применили контрповстанческую тактику против ПО, но в итоге это не только не помогло в борьбе с ними, но и «усилило то явление, которое нужно было сдерживать» [La crisis de seguridad..., 2018: 93]. Криминальные структуры усвоили этот опыт и использовали его против государства. Например, нанимаемые ПО сотрудники силовых структур обучают преступников, в том числе проводят с ними огневую подготовку, отрабатывают тактику действий в городских районах, таких как фавелы, готовят пути отхода, учат конспирации. Фактически использование партизанских подходов и военной тактики привело к милитаризации самой преступности⁵¹, что также способствовало выводу ПО на новый организационный уровень.

Вследствие перечисленных факторов РСС радикально усложнилась и интернационализировала свою деятельность, расширив свои связи в странах Южной Америки (Боливии, Колумбии, Парагвае, Перу, Чили) и за ее пределами (например, в Европе, установив контакты с итальянской мафией Ндрангетой), став ТПО. Данная группировка в силу характера своих действий в ряде случаев де-факто стремится достичь политических целей. Некоторые авторы, говоря о бразильской преступности, указывают, что эти ПО всё больше привлекают внимание властей и самого общества из-за социальной и политической нестабильности, которую они порождают (см.: [Leão, Blanco, 2022]). В совокупности данные обстоятельства свидетельствуют в пользу утверждения о том, что РСС является участником криминального мятежа как формы неклассической войны.

Отметим, что в Бразилии есть и другие ПО, противостоящие друг другу и государству. Однако в данном исследовании мы ограничились РСС, поскольку:

- ее пример позволяет проследить эволюцию ПО до банды третьего уровня;
- РСС лучше всего демонстрирует то, как ПО, достигнув достаточно высокого организационного уровня, оказывается в состоянии оспаривать власть государства на некоторых территориях;

---

⁵¹ Об использовании бывших военных фракцией РСС см.: No Rio, ex-militares ensinam táticas do Exército a facções // *Veja*. 15.03.2018. Available at: <https://veja.abril.com.br/brasil/no-rio-ex-militares-ensinam-taticas-do-exercito-a-faccoes> (accessed: 15.02.2024).

- ни одна другая ПО Бразилии не отвечает признакам банд третьего уровня.

Наиболее близкой к РСС группировкой по уровню сложности, но не по размаху преступной деятельности является группировка «Красная команда» («Comando Vermelho», CV [подробнее см.: Земцова, 2020]). Отметим, что в 2016 г. РСС и CV прервали продолжительное перемирие, длившееся порядка 20 лет, и возобновили вооруженное противостояние друг с другом [Neves, 2019]. Другие группировки пытаются копировать опыт РСС, но в то же время по своим структуре и масштабам преступной деятельности несравнимы с ней.

«Милиции» как участники криминального мятежа в Бразилии

На рубеже 1990–2000-х годов в Бразилии стали развиваться новые формы криминальных сообществ, получивших название «ополчения», или «милиции» (порт. *milícias*), чьи генезис и специфика отличаются от локальных банд и более крупных ПО. В современной Бразилии термин «милиции» («ополчения») обозначает группы, состоящие из сил безопасности, в частности военной полиции, которые помимо своей официальной службы берут на себя функцию защиты и обеспечения «безопасности» в районах, где доминируют или предположительно угрожают местному населению торговцы наркотиками [Peterke, 2011]. Основная мотивация членов этих групп носит прежде всего финансовый характер [Misse, 2007]. «Милиции» возникают в наиболее бедных районах, характеризующихся отсутствием государственных учреждений и служб, и эксплуатируют местных жителей, например, взимая «плату за безопасность». У этих групп нет разрешения властей на применение силы; они оспаривают монополию государства на законное насилие. Данные ПО используют самоназвание «милиции» («ополчения») для создания видимости легитимности.

Исторически «милиции» берут свое начало в «эскадронах смерти» (порт. *grupos de extermínio* — буквально «группы истребления») по типу «Grupo de Diligências Especiais» («Группа специальных расследований») — подпольной организации, созданной в 1950-х годах для внесудебной ликвидации преступников. Данная модель действий распространилась по всей Бразилии в 1950–1960-е годы (этот вопрос

подробно освещался в работе [Misse, 2006]). Во времена военной диктатуры они стали еще сильнее [Pastor, 2021]. В 1970–1980-е годы эти группы расширили свое влияние в западной зоне Рио-де-Жанейро⁵².

Следующий период, между 1990-ми и 2000-ми годами, характеризовался выстраиванием прочных отношений между «эскадронами смерти» и местными политиками: первые оказывали услуги вторым. Как отметили авторы исследования «Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки», простое введение войск для борьбы с наркотрафиком в фавелах Рио-де-Жанейро в середине 1990-х годов без налаживания предварительной работы по ликвидации экономической базы (наркопроизводство, транзит наркотиков и другие источники незаконной прибыли) и общественной поддержки криминалитета было контрпродуктивно, поскольку в подобных условиях сами военные начинали встраиваться в криминальный бизнес [Организованная преступность..., 2014: 47]. «Милиции» — яркий тому пример. По мнению И. Линса и К. Мачадо, новизна «милиций» заключалась не в их роли «эскадронов смерти», а в прочных связях с политикой, в их политизации [Lins, Machado, 2023]. Всё это определило формы политических действий, а также способствовало неформальным контактам между «ополченцами» и политиками.

Для описания связи между «милициями», политикой и государством мы используем термин «вооруженная политика», введенный Н. Барнсом [Barnes, 2017]. Все организации, применяющие насилие в политическом и криминальном спектрах, взаимодействуют с государством, которое формирует «правила игры» и природу политической власти. «Милиции», изменяя институты власти в целях создания местного политического порядка [Arias, 2013], подменяют собой государство. Согласно типологии ПО Н. Барнса это означает, что «милиции» теснейшим образом сотрудничают с государственными ведомствами, в результате чего организованная преступность оказывается встроена непосредственно в государственный аппарат. Представители «ополчений» присутствуют не только в законодательных органах, но также в правительстве и государственных ведомствах вследствие коррупции и кооптации государственных

---

⁵² Одна из самых известных «милиций» называлась «Liga da Justiça» («Лига справедливости»).

чиновников. Политика безопасности, назначения и продвижения по службе, законодательство во многих городских советах и законодательных собраниях определяются «ополченцами»⁵³. Как отмечают авторы исследования «Вооруженный территориальный контроль в Рио-де-Жанейро»⁵⁴, в настоящее время связь между «милициями» и полицией, особенно (но не исключительно) военной, приобрела структурный характер.

Например, речь идет о том, что усилиями «милиций» проводятся назначения на командные должности, определяются приоритетные направления полицейских операций. В связи с этой тенденцией в некоторых частях столичного региона Рио-де-Жанейро и прилегающих районах полиция действует как вспомогательное средство защиты интересов местной группировки «ополченцев»⁵⁵. Обширный материал о связях политиков и чиновников высокого ранга с «милициями» ранее представила ныне упраздненная Парламентская комиссия по расследованию (Comissão Parlamentar de Inquérito). Среди обвиняемых в связях с «милициями» — депутат штата Рио-де-Жанейро Наталину Жозе Гимарайнш. Обвинение также было предъявлено бывшему депутату штата и бывшему руководителю гражданской полиции Рио-де-Жанейро Альваро Линсу⁵⁶.

Еще одним примером связи «ополченцев» с политиками и государственным аппаратом может служить деятельность сына экс-президента Бразилии Жаира Болсонару Флавио Болсонару (ранее он занимал пост сенатора). В его окружении были люди, связанные с членами «милиции». По инициативе Ф. Болсонару медали Тираден-

⁵³ См.: Dirceu J. O aumento das milícias expõe a ausência do Estado, escreve José Dirceu // Poder 360. 12.05.2021. Available at: <https://www.poder360.com.br/opiniaio/o-aumento-das-milicianas-expoe-a-ausencia-do-estado-escreve-jose-dirceu/> (accessed: 19.06.2024).

⁵⁴ Controle territorial armado no Rio de Janeiro // Rede Fluminense de Pesquisas sobre Violência, Segurança Pública e Direitos Humanos. 2020. Available at: <http://estaticog1.globo.com/2020/10/26/textodaredesobremiliciaversaoampliadafinal.pdf> (accessed: 19.06.2024).

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ См. «Итоговый отчет Парламентского комитета по расследованию действий ‘милиций’ в штате Рио-де-Жанейро»: Relatório Final da Comissão Parlamentar de Inquérito destinada a investigar a ação de milícias no âmbito do estado do Rio de Janeiro // Poder360. 2008. Available at: <https://static.poder360.com.br/2024/01/relatorio-final-cpi-das-milicias-marcelo-alerj-2008.pdf> (accessed: 20.06.2024).

тиса (главная награда законодательного собрания Рио-де-Жанейро) был удостоен Адриано Магальяеш, бывший капитан «Батальона специальных полицейских операций» («Batalhão de Operações Policiais Especiais», ВОРЕ), ныне скрывающийся от правосудия по подозрению в руководстве «милицией», которая стала известна как «Escritório do Crime» («Бюро преступлений») ⁵⁷. После того как А. Магальяеш был арестован по обвинению в убийстве, Ф. Болсонару нанял в свой офис его мать и жену ⁵⁸. Другой член «Escritório do Crime», майор военной полиции Рональд Перрейра, также был награжден Ф. Болсонару ⁵⁹.

Подобный уровень проникновения в государственные структуры позволяет «ополченцам» часто безнаказанно участвовать в незаконных действиях [Barnes, 2017], в отличие от ПО типа РСС. Специфика «милиций» в том, что они являются не антисистемной силой, подобно другим ПО, а своеобразным девиантным институтом, трансформированным в преступный коллективный субъект. В то же время «милиции» способны наносить государству не меньший вред, чем крупнейшие банды, и осуществлять территориальный контроль. «Ополченцы» действуют автономно, адаптируясь, когда представители власти решают им противостоять, поэтому их распространение (например, в Рио-де-Жанейро) также вносит вклад в общий высокий уровень насилия, отвечающий признакам ВВК. Так, в 2019 г. в столице штата Рио-де-Жанейро показатель убийств составил 28,41 на каждые 100 тыс. человек ⁶⁰. Учитывая численность населения этого города в 2019 г., оцениваемую в 6,718 млн человек ⁶¹, в абсолютном выражении число преднамеренных убийств превы-

---

⁵⁷ Rodrigues A., del Río A. Estado miliciano: A consolidação da ideologia // Le Monde Diplomatique Brasil. 07.05.2019. Available at: <https://diplomatie.org.br/estado-miliciano-a-consolidacao-da-ideologia/> (accessed: 20.06.2024).

⁵⁸ Подробно о связях Ф. Болсонару с «ополченцами» см.: [Manso, 2020].

⁵⁹ Oliveira C. As ligações dos Bolsonaro com as milícias // Intercept Brasil. 22.01.2019. Available at: <https://www.intercept.com.br/2019/01/22/bolsonaros-milicias/> (accessed: 20.06.2024).

⁶⁰ Taxa de homicídios, a cada 100 mil habitantes // Rede Social Brasileira por Cidades Justas e Sustentáveis. 2019. Available at: <https://casa-fluminense.redesocialdecidades.org.br/br/RJ/casa-fluminense/regiao/rio-de-janeiro/taxa-de-homicidios-a-cada-100-mil-habitantes> (accessed: 23.02.2024).

⁶¹ Datapedia em Rio De Janeiro // Datapedia. 2022. Available at: <https://datapedia.info/cidade/5072/rj/rio-de-janeiro#mapa> (accessed: 24.02.2024).

сило 1,9 тыс. человек. Отметим, что не существует подробной статистики о том, сколько преднамеренных убийств в Рио-де-Жанейро связано именно с преступной деятельностью «милиций». Однако на основании того, что в подконтрольных им районах осуществляется меньше рейдов полиции⁶², логично предположить, что уровень насилия там ниже, чем на подконтрольных бандам территориях, а также на тех участках, которые оспариваются «милициями» и другими преступными группировками.

Таким образом, «милиции» соответствуют признакам банд третьего уровня, кроме, пожалуй, интернационализации. Впрочем, с учетом скорости экспансии данных ПО их переход на международный уровень является вопросом времени. Так, по данным исследования «Историческая карта вооруженных группировок в Рио-де-Жанейро»⁶³, с 2006 по 2021 г. «милиции» в Рио-де-Жанейро увеличили площадь своего территориального контроля на 387% — с 52,6 до 256 км². Разумеется, речь идет о суммарной площади, контролируемой разными «милициями», которые также противостоят и друг другу.

Нельзя утверждать, что бразильские «милиции» — абсолютно уникальное явление. Нечто схожее есть в Колумбии, где возникло объединение ультраправых военизированных формирований («эскадронов смерти») AUC, которые после периода демобилизации (2003–2006) фрагментировались и полностью перешли на торговлю наркотиками (так называемые наркопарамилитарес) [Guerra y violencias..., 2009]. Другой ближайший аналог — отряды самообороны (*autodefensas*) в Мексике, например, в штате Мичоакан [Le Cour Grandmaison, 2021]. Вместе с тем «милиции» в Бразилии гораздо теснее связаны с государством; более того, в некотором смысле они и есть государство, поскольку организационно не выделяются из него. Если в Колумбии подразделения самообороны создавались

⁶² A expansão das milícias no Rio de Janeiro: Uso da força estatal, mercado imobiliário e grupos armados // Instituto Fogo Cruzado, Grupo de Estudos dos Novos Ilegalismos, Universidade Federal Fluminense (Geni-UFF). 2020. Available at: <https://geni.uff.br/dados/> (accessed: 10.05.2024).

⁶³ Mapa histórico dos grupos armados do Rio de Janeiro // Instituto Fogo Cruzado, Grupo de Estudos dos Novos Ilegalismos, Universidade Federal Fluminense (Geni-UFF). Setembro 2022. Available at: https://geni.uff.br/wp-content/uploads/sites/357/2022/09/Relatorio_Mapa_Grupos_Armados_Geni_WEB.pdf (accessed: 26.02.2024).

армией и крупными землевладельцами для борьбы с герильей [Манухин, 2019], а мексиканские *autodefensas* набирались из числа местного населения, то «милиции» в Бразилии имеют очень тесные контакты с государственным аппаратом и предпринимают активные действия по проникновению в политику. Часто «ополченцы» формально служат в полиции и других ведомствах, однако не выполняют свои функции, в действительности занимаясь противозаконной деятельностью и прикрываясь своим официальным статусом.

В результате «милиции», являясь элементами государства, функционируют фактически против него. Как следствие, на подконтрольных им территориях возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: власть формально контролирует эти территории, но в действительности этот контроль фиктивен. Дело в том, что присутствуют «милиции» в районах городов как государственные агенты, но действуют в своих частных интересах, используя для этого преступные средства и методы, включая насилие. Связь «милиций» с государством и политикой настолько сильна, что их невозможно разделить или объявить «милиции» террористами и вступить с ними в переговоры о демобилизации, как это было с АУС. Участники «милиций» в Бразилии фактически устанавливают параллельную государству власть в районах ряда городов, тем самым внося свой вклад в криминальный мятеж.

* * *

Проведенный анализ показал, что РСС соответствует трем ключевым признакам банд третьего уровня, «милиции» — двум признакам: сложности и политизации, которая особенно выделяется, поскольку «ополченцы» интегрированы с государственными ведомствами и политиками. Впрочем, на наш взгляд, независимо от того, ставят ли ПО перед собой политические/идеологические цели или нет, их воздействие на государство ведет к политически значимым последствиям или стремится к этому. Степень насилия в Бразилии, соответствующая ВВК, и достижение рядом ПО признаков банд третьего уровня позволяют сделать вывод о наличии в стране криминального мятежа.

Вместе с этим мы считаем, что криминальный мятеж следует рассматривать как особую форму неклассических войн. В начале

работы мы указали, что все неклассические войны обладают фундаментальным признаком — отсутствием масштабного применения вооруженных сил хотя бы одной из сторон конфликта. НГНА, к которым относятся и банды, и «милиции», не обладают регулярными войсками. Неклассические войны в форме криминального мятежа помимо отсутствия применения армии со стороны НГНА обладают еще одной характерной особенностью — увеличением сетевой составляющей в организации данных субъектов. Это, в частности, касается «милиций», достигших экспоненциального расширения не в последнюю очередь за счет кооптации политиков, играющих важную роль в сетях⁶⁴ «ополченцев». Сетевая организация банд также выполняет значимую функцию, в том числе в тюрьмах, чему посвящен ряд исследований, в которых изучались тюремные сети бразильских ПО, включая РСС, с использованием соответствующего анализа⁶⁵ (например, работа М. Табоаса [Tabóas, 2022]). Мы полагаем, что децентрализации, сетевизации (т.е. переходу к преимущественно сетевой форме организации) и, как следствие, усложнению ПО способствует ряд перечисленных в данной работе факторов. На рис. 2 показана схема эволюции РСС до банды третьего уровня, включающая основные факторы развития этой группировки.

Трансформация РСС в банду третьего уровня способствует криминальному мятежу и поддержанию ВВК в Бразилии. Вместе с тем усложнение организации, важной и неотъемлемой составляющей которого является переход к более сетевой форме, позволяет сделать вывод о том, что РСС также выступает как актор неклассической войны, поскольку у нее отсутствуют явные политические цели. Однако тот факт, что ПО не декларируют политические намерения (например, свергнуть действующую власть или выйти из состава Бразилии), на наш взгляд, не имеет принципиального значения. Преступные группировки не просто стремятся влиять на политику государства в правоохранительной сфере к своей выгоде, но и дей-

⁶⁴ Речь идет именно о сетевой форме организации «милиций».

⁶⁵ Имеется в виду анализ социальных сетей (англ. *social network analysis*) — особый метод, который анализирует закономерности отношений узлов (акторов) и их соединений (связей) на основе математических вычислений. В данном случае речь идет о криминальных сетях. Указанный метод активно применяется в криминологии. Исследования «милиций» с использованием анализа социальных сетей отражены в работе [Couto, Filho, 2019].

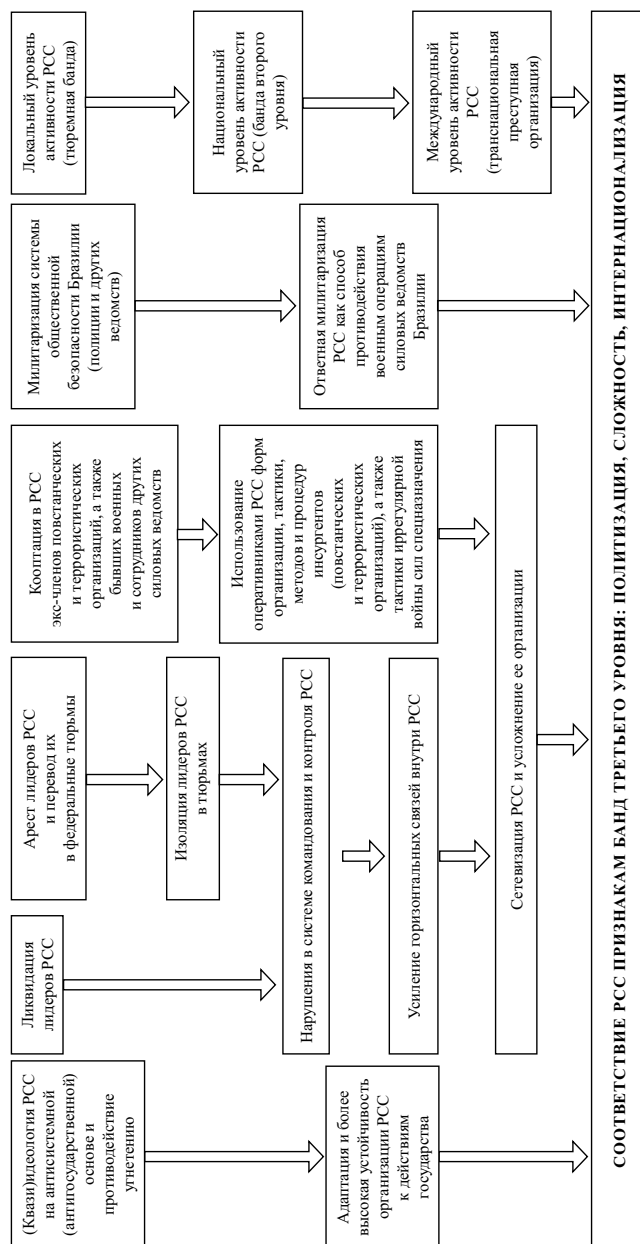

Рис. 2. Схема эволюции RCC (приведенные процессы параллельны и совместно способствуют возникновению у RCC трех признаков банд третьего уровня)

ствуют так, что власть вынуждена реагировать в том же ключе, как если бы имела дело с НГНА с политической мотивацией (повстанцами, террористами). Как следствие, ситуация выходит далеко за рамки сугубо вопросов общественной безопасности, превращаясь в прямую угрозу национальной безопасности государства, в том числе его территориальной целостности. ПО оспаривают государственный суверенитет на части территории страны через силовой и социальный контроль. Государство вынуждено противодействовать этому уже с использованием вооруженных сил, что увеличивает интенсивность насилия, являющегося одним из ключевых факторов поддержания ВВК в Бразилии. В этой связи выводы некоторых авторов о полном контроле территорий государством и отсутствии ВВК в Бразилии (см.: [Foley, 2022; Palma, 2023]) мы ставим под сомнение.

У эволюции «милиций» имеется своя специфика. На рис. 3 показаны факторы развития этих НГНА.

Разница между бандами и «милициями» состоит в том, что последние, будучи выходцами из «эскадронов смерти» и силовых ведомств, изначально обладают высоким уровнем организации и подготовки, но при этом остаются интегрированными в государственный аппарат. Если традиционные ПО являются антисистемной силой, то «милиции» есть искаженная форма институтов, которые трансформировались в преступные группировки, используя слабости институциональной системы Бразилии. Пока «милиции» не в полной мере отвечают признакам банд третьего уровня, однако полагаем, что это лишь вопрос времени, учитывая их способность к экспансии, тенденцию к организационному усложнению и высокую степень адаптивности. Так, несмотря на противодействие государства, «милиции» сохраняют значительный потенциал для территориального контроля и инфильтрации во властные структуры. Следовательно, де-факто они достигают политических целей и результата или стремятся к этому. Первоначально «милиции» осуществляют территориальный контроль и проникают в государственные структуры в целях обеспечения своей преступной деятельности. Однако на следующем этапе, по мере интеграции в политику и будучи способными физически препятствовать проникновению на подконтрольную им территорию государственных силовых структур, они становятся важным политическим фактором.

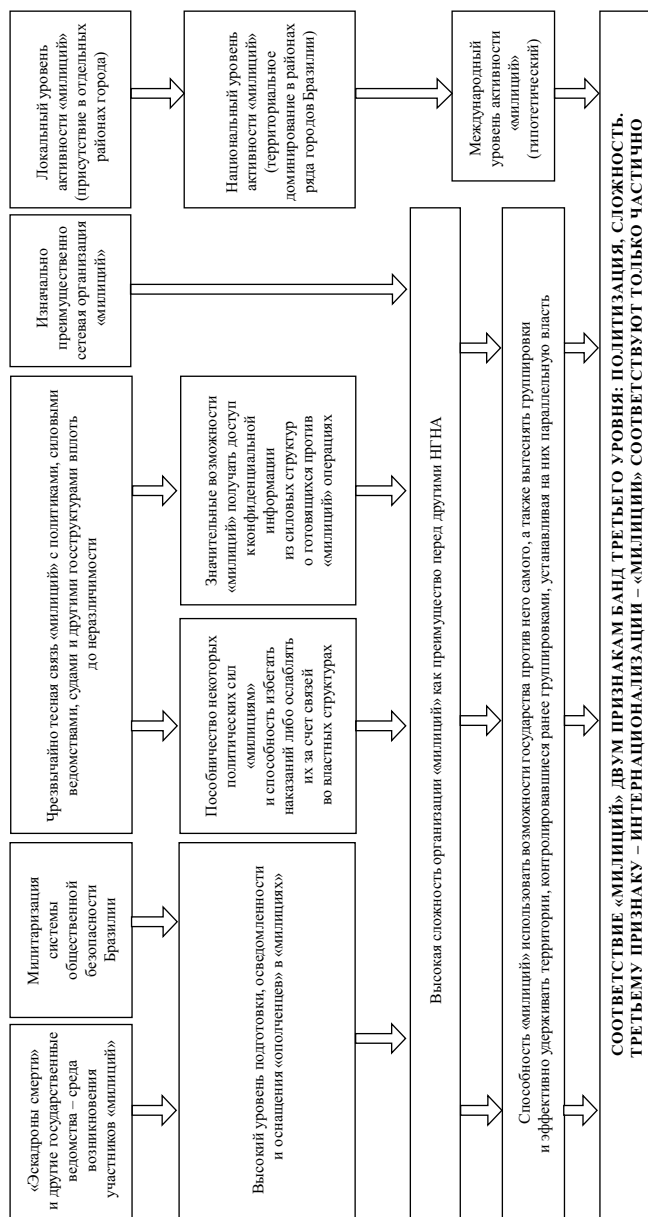

Рис. 3. Схема эволюции «милиций», соответствующих двум из трех признаков банд третьего уровня (кроме высшей стадии — интернационализации)

В этом ситуация в Бразилии схожа с тем, что происходит в Мексике, Колумбии, Гватемале и других странах ЛАКБ.

Важно еще и то, что фактор мотивации (он у «милиций» преимущественно «экономический» — извлечение прибыли незаконным путем) не имеет принципиального значения: если действия «милиций», равно как и других ПО (или вообще любых НГНА), оказывают на государство такое влияние, как если бы они ставили перед собой политические цели и достигали их, то мотивация как определяющий критерий для дифференцирования ПО от идеологически и политически мотивированных НГНА теряет значимость. Это позволяет отнести «милиции» к де-факто политическим организациям, что сближает их с группировками типа РСС.

На основании приведенных аргументов мы делаем следующий вывод. В Бразилии присутствуют все признаки криминального мятежа, поскольку его основные негосударственные субъекты (ПО) достигли такого уровня организационной сложности, когда они в состоянии подрывать суверенитет государства, устанавливая доминирование хотя бы на части его территории и выступая в качестве стороны ВВК. Это заставляет поставить под сомнение выводы ряда отечественных авторов (например: [Морозов, 2018]), которые считают, что наркоструктуры предпочитают опосредованно контролировать территории, поэтому возникновение квазигосударств исключено. В действительности только лишь опосредованный контроль не всегда имеет место в силу того, что некоторые ПО осуществляют именно прямой контроль территорий с использованием для этого физического насилия⁶⁶. Они подрывают возможности правительства, подавляя полицию и правовую систему посредством

⁶⁶ Исследование специфики насильственного территориального доминирования, осуществляемого в ходе криминального повстанческого движения организованной преступностью в Бразилии, провел доктор философии, старший военный прокурор Бразилии и адъюнкт-профессор Университета Бразилиа Карлос Фредерико де Оливейра Перейра: Commentary: ADPF 635. The interweaving of the international human rights law and the international humanitarian law in the repression of the territorially dominant third generation gangs in the city of Rio de Janeiro, Brazil // Small Wars Journal. 18.07.2022. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/commentary-adpf-635-interweaving-international-human-rights-law-and-international> (accessed: 01.03.2024). Кроме того, данный вопрос рассматривал научный сотрудник в области борьбы с терроризмом Федеральной полицейской академии (Бразилия) и агент бразильской Федеральной полиции Кристиан Вианна де Азеведо: Vianna de Azevedo C. Criminal

применения силы и за счет численности, организации и вооружения, зачастую превосходящего таковое у силовых структур. Физическое насилие может использоваться как для принуждения уже существующих государственных органов, так и для вытеснения их и установления своей фактической власти. И в том, и в другом случае власть достигается через насилие — прямое, включая убийства местных политиков, чиновников (например, мэров, судей) и представителей правоохранительных органов, или опосредованное (с санкции ПО). Это позволяет говорить о наличии квазигосударственных признаков у некоторых высокоорганизованных ПО.

Почти все основные ПО Бразилии (банды и «милиции») формально имеют неполитическую или квазиидеологическую мотивацию. Однако именно в силу наложения факторов, обсуждавшихся в данном исследовании, эти ПО в состоянии деструктивно воздействовать на государство, как если бы они изначально стремились подорвать его суверенитет хотя бы на части его территории. Рассматривать эти организации исключительно как неполитические, а следовательно, как рядовую преступность, но просто большего масштаба, по мнению автора данной работы, фундаментально неверно.

Обсуждаемый феномен с учетом всей его специфики невозможно адекватно объяснить без оценки действий ПО, приводящих к последствиям, которые имеют политические признаки. Особое значение приобретает причинно-следственная связка «территориальный контроль — ВВК», поскольку способность силовым путем даже локально оспаривать суверенитет государства и этим нарушать его территориальную целостность в принципе не может быть только криминальной целью. Для того чтобы сложилась подобная ситуация, нет необходимости в политических программах и полноценной идеологии у негосударственного субъекта. Она становится следствием внутренней логики развития высокоорганизованных ПО, когда достижение ими своих криминальных (неполитических) целей оказывается невозможным без достижения де-факто политической цели (территориального доминирования), а значит, данные цели становятся неразделимы и неразличимы. Это особенность криминального мятежа как формы неклассических войн вообще и в Бразилии — в частности.

---

insurgency in Brazil // Small Wars Journal. 22.01.2018. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/criminal-insurgency-brazil> (accessed: 03.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартош А.А. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 44–61. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.20815.
2. Васнецова А.С. Взаимосвязь терроризма с организованной преступностью // Национальная безопасность / Nota Bene. 2019. № 5. С. 66–79. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.5.28002.
3. Земцова С.И. «Первый столичный отряд» и «Красная команда» как основные преступные наркосообщества Бразилии // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 66–71. DOI: 10.51980/2542-1735_2020_2_66.
4. Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов (часть 1) // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3.
5. Клебанов Л.Р., Полубинская С.В. Преступность в Бразилии: особенности, противодействие, направления исследований // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 299–310. DOI: 10.17223/15617793/474/32.
6. Клеймёнов И.М. Международный терроризм и транснациональная организованная преступность // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3 (52). С. 159–162. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.3.159-162.
7. Колесник А.С. Транснациональная организованная преступность как угроза безопасности государств Латинской Америки // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2 (28). С. 210–216.
8. Манухин А.А. Содействие выходу из внутреннего вооруженного конфликта и постконфликтному развитию на примере отношений Колумбии и США (часть 1) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 4. С. 137–171.
9. Морозов Д.В. Преступность в Латинской Америке: нестандартные подходы к изучению проблемы // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 95–101. DOI: 10.31857/S0044748X0000027-8.
10. Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: ИЛА РАН, 2014.
11. Пятаков А.Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93.
12. Репко С.И. Гибридные войны США (1979–2017) // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. № 778. С. 156–165.

13. Румянцев Н.В., Омелин В.Н. Взаимосвязь организованной преступности с международными террористическими, экстремистскими группировками // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 209–213. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10333.

14. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под ред. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь мир; ИЛА РАН, 2017.

15. Стригунов К.С. Современные неклассические войны: формы, методы, технологии. М.: Горячая линия — Телеком, 2024.

16. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет темной глобализации. М.: Горячая линия — Телеком, 2022.

17. Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза / Под ред. А.Н. Глинкина. М.: РОССПЭН, 2002.

18. Arias E. The impacts of differential armed dominance of politics in Rio de Janeiro, Brazil // Studies in Comparative International Development. 2013. Vol. 48. No. 3. P. 263–284.

19. Arruda A. O primeiro comando da capital como ameaça para a segurança nacional. Rio de Janeiro: Escola de Comando e Estado-Maior do Exército, 2020.

20. Baptista A. A ideologia a serviço do crime: O Primeiro Comando da Capital segundo a teoria da insurgência. Rio de Janeiro: Escola de Guerra Naval, 2019.

21. Barnes N. Criminal politics: An integrated approach to the study of organized crime, politics, and violence // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 967–987. DOI: 10.1017/S1537592717002110.

22. Bicudo H. A unificação das polícias no Brasil // Estudos Avançados. 2000. Vol. 14. No. 40. P. 91–106.

23. Bunker R. Epochal change: War over social and political organization // Parameters. 1997. Vol. 27. No. 2. P. 15–25. DOI: 10.55540/0031-1723.1821.

24. Bunker R. Introduction: The Mexican cartels — organized crime vs. criminal insurgency // Trends in Organized Crime. 2013. Vol. 16. P. 129–137. DOI: 10.1007/s12117-013-9194-4.

25. Bustamante A. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales // Entretextos. 2020. Vol. 12. No. 35. P. 1–17. DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.

26. Castro A. et al. Organização criminosa transnacional: A internacionalização do Primeiro Comando da Capital // Revista Ibero-Americana De Humanidades, Ciências E Educação. 2023. Vol. 9. No. 10. P. 6734–6752. DOI: 10.51891/rease.v9i10.12208.

27. Tilly Ch. War making and state making as organized crime // Bringing the state back in / Ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–187.

28. Christino M., Tognolli C. Laços de sangue: A história secreta do PCC. São Paulo: Matrix, 2017.

29. Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization / Ed. by M. Miklaucic, J. Brewer. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2013.

30. Coutinho L. The evolution of the most lethal criminal organization in Brazil — the PCC // Prism: A Journal of the Center for Complex Operations. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 56–67.

31. Couto V., Filho C. Milícias: O crime organizado por meio de uma análise das redes sociais // Revista Brasileira de Sociologia. 2019. Vol. 7. No. 17. P. 201–221. DOI: 10.20336/rbs.480.

32. Dias C. Da guerra à gestão: A trajetória do Primeiro Comando da Capital (PCC) nas prisões de São Paulo // Revista Percurso: Sociedade, Natureza e Cultura. 2009. Vol. 2. No. 10. P. 79–96.

33. Diniz V., McBrien J. Children and drug trafficking in Brazil: Can international humanitarian law provide protections for children involved in drug trafficking? // Societies. 2022. Vol. 12. No. 6. P. 1–16. DOI: 10.3390/soc12060183.

34. Dishman C. Terrorism, crime and transformation // Studies in Conflict and Terrorism. 2001. Vol. 24. No. 1. P. 43–58. DOI: 10.1080/10576100118878.

35. Escenarios y desafíos de la seguridad multidimensional en Colombia / Ed. by C. Alvares. Bogotá: Escuela Superior de Guerra, 2017.

36. Foley C. Legitimate targets: What is the applicable legal framework governing the use of force in Rio de Janeiro? // Stability: International Journal of Security and Development. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 1–19. DOI: 10.5334/sta.826.

37. Fonseca G. The use of terrorist tools by criminal organizations: The case of the Brazilian Primeiro Comando da Capital (PCC) // Perspectives on Terrorism. 2020. Vol. 14. No. 4. P. 64–82.

38. Guerra y violencias en Colombia, herramientas e interpretaciones / Ed. by J. Restrepo, D. Aponte. Bogotá: CERAC, 2009.

39. Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

40. Hofmann C., Schneekener U. Engaging non-state armed actors in state and peace-building: Options and strategies // International Review of the Red Cross. 2011. Vol. 93. No. 883. P. 603–621. DOI: 10.1017/S1816383112000148.

41. Kan P. Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security. Sterling: Potomac Books, Inc., 2012.

42. Khoday A. Resisting criminal organizations: Reconceptualizing the 'political' in international refugee law // McGill Law Journal. 2016. Vol. 61. No. 3. P. 461–509.

43. Kleffner J. The legal fog of an illusion: Three reflections on 'organization' and 'intensity' as criteria for the temporal scope of the law of non-international armed conflict // *International Law Studies*. 2019. Vol. 95. No. 1. P. 172–177.

44. Klein C. O processo de pacificação das FARC e os efeitos no crime organizado transnacional na fronteira terrestre do Brasil. Rio de Janeiro: Escola de Comando e Estado-Maior do Exército, 2019.

45. La crisis de seguridad y violencia en México. Causas, efectos y dimensiones del problema / Ed. by C.A. Flores Pérez. México: Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropología Social, 2018.

46. Le Cour Grandmaison R. Becoming a violent broker: Cartels, autodefensas, and the state in Michoacán, Mexico // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2021. No. 112. P. 137–158. DOI: 10.32992/erlacs.10874.

47. Leão A., Blanco G. A busca do estado em combater a evolução do crime organizado em Santa Catarina // *Revista de Ciências Jurídicas e Empresariais*. 2022. Vol. 23. No. 1. P. 2–11. DOI: 10.17921/2448-2129.2022v23n1p2-11.

48. Lima M., Oliveira A., Leão S. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira à luz da série guerra sem fim: O povo // *Recima21 — Revista Científica Multidisciplinar*. 2022. Vol. 3. No. 6. P. e361566. DOI: 10.47820/recima21.v3i6.1566.

49. Lins I., Machado C. O crime é político: Elementos teóricos para uma análise neoinstitucionalista das milícias no Rio de Janeiro // *Revista Brasileira de Ciência Política*. 2023. No. 42. P. 1–33. DOI: 10.1590/0103-3352.2023.42.271780.

50. Makarenko T. The crime-terror continuum: Tracing the interplay between transnational organised crime and terrorism // *Global Crime*. 2004. Vol. 6. No. 1. P. 129–145. DOI: 10.1080/1744057042000297025.

51. Manso P. A república das milícias: Dos esquadrões da morte à era Bolsonaro. São Paulo: Todavia, 2020.

52. Manwaring M. Street gangs: The new urban insurgency. Carlisle: US Army War College Press, 2005.

53. Misse M. Crime e violência no Brasil contemporâneo: Estudos de sociologia do crime e da violência urbana. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2006.

54. Misse M. Mercados ilegais, redes de proteção e organização local do crime organizado no Rio de Janeiro // *Estudos Avançados*. 2007. Vol. 21. No. 61. P. 139–157.

55. Moore L. The structure of war: Early fourth epoch war research // *Small Wars & Insurgencies*. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 159–170. DOI: 10.1080/09592310208559189.

56. Networks, terrorism and global insurgency / Ed. by R. Bunker. London; New York: Routledge, 2005.

57. Neves A. Atores não estatais-violentos no Brasil como desafios à paz: Um estudo de caso sobre o conflito entre Comando Vermelho e Primeiro Comando da Capital (2016-2018). João Pessoa: Universidade Federal da Paraíba, 2019.

58. Palma N. Is Rio de Janeiro preparing for war? Combating organized crime versus non-international armed conflict // *International Review of the Red Cross*. 2023. Vol. 105. No. 923. P. 795-827. DOI: 10.1017/S1816383123000127.

59. Pastor R. Pelo estado, com o estado e no estado: Análise das peças e mecanismos que compõem o fenômeno das milícias no Rio de Janeiro: PhD Thesis. Recife, 2021.

60. Pavão dos Santos R. O Primeiro Comando da Capital como uma questão de segurança Internacional // *Revista Hoplos*. 2021. Vol. 5. No. 9. P. 92-108.

61. Peterke S. Legitimidade e legalidade das 'milícias' no Brasil atual // *Prima Facie*. 2011. Vol. 10. No. 18. P. 86-107.

62. Report on terrorism / Ed. by G. Jervas. Stockholm: Swedish Defence Research Establishment, 1998.

63. Schneider É. et al. Dynamic networks model mediated by confinement // *Applied Network Science*. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 1-17. DOI: 10.1007/s41109-019-0143-2.

64. Shelley L., Picarelli J. Methods and motives: Exploring links between transnational organized crime and international terrorism // *Trends in Organized Crime*. 2005. Vol. 9. No. 2. P. 52-67. DOI: 10.1007/s12117-005-1024-x.

65. Silva A. O combate às facções criminosas cariocas sob os princípios de David Galula. Rio de Janeiro: Escola Superior de Guerra, 2018.

66. Sullivan J. The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars // *Revista Do Ministério Público Militar*. 2019. Vol. 46. No. 31. P. 13-30.

67. Sullivan J. Third generation street gangs: Turf, cartels, and net warriors // *Transnational Organized Crime*. 1997. Vol. 3. No. 3. P. 95-108.

68. Tabôas M. As organizações criminosas e sua rede de relacionamento: Um estudo sobre os presos custodiados na penitenciária federal em Brasília: PhD Thesis. Brasília, 2022.

69. Van Creveld M. The transformation of war. New York: The Free Press, 1991.

70. Williams P. The terrorism debate over Mexican drug trafficking violence // *Terrorism and Political Violence*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 259-278. DOI: 10.1080/09546553.2011.653019.

71. Wu J. et al. A social network analysis of an MS-13 network: Structure, leadership roles, and the use of confidential informants // *International Criminology*. 2024. P. 1-13. DOI: 10.1007/s43576-024-00113-9.

REFERENCES

1. Bartosh A.A. 2017. Paradigma gibridnoi voyny [Hybrid warfare paradigm]. *Voprosy bezopasnosti*, no. 3, pp. 44–61. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.20815. (In Russ.)
2. Vasnetsova A.S. 2019. Vzaimosvyaz' terrorizma s organizovannoi prestupnost'yu [The link between terrorism and organized crime]. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene*, no. 5, pp. 66–79. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.5.28002. (In Russ.)
3. Zemtsova S.I. 2020. 'Pervyi stolichnyi otrjad' i 'Krasnaya komanda' kak osnovnye prestupnye narkosoobshchestva Brazili [First Command of the Capital and 'Red Command' as main criminal drug trafficking organizations in Brazil]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 2 (39), pp. 66–71. DOI: 10.51980/2542-1735_2020_2_66. (In Russ.)
4. Ivanovskii Z.V. 2019. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii: sotsial'naya panorama i dinamika politicheskikh protsessov (chast' 1) [Latin America in the new Millennium: Social panorama and dynamics of political processes (part 1)]. *Latinskaya Amerika*, no. 7, pp. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3. (In Russ.)
5. Klebanov L.R. Polubinskaya S.V. 2022. Prestupnost' v Brazili: osobennosti, protivodeistvie, napravleniya issledovaniy [Crime in Brazil: Features, counteraction, research directions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 474, pp. 299–310. DOI: 10.17223/15617793/474/32. (In Russ.)
6. Kleimenov I.M. 2017. Mezhdunarodnyi terrorizm i transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' [International terrorism and transnational organized crime]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, no. 3 (52), pp. 159–162. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.3.159-162. (In Russ.)
7. Kolesnik A.S. 2019. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' kak ugroza bezopasnosti gosudarstv Latinskoj Ameriki [Transnational organized crime as a threat to the security of Latin American states]. *GoS-Reg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*, no. 2 (28), pp. 210–216. (In Russ.)
8. Manukhin A.A. 2019. Sodeistvie vykhodu iz vnutrennego vooruzhennogo konflikta i postkonfliktnomu razvitiyu na primere otnoshenii Kolumbii i SShA (chast' 1) [Promoting internal armed conflict resolution and peacebuilding: The case of the US–Colombia relations (part I)]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 11, no. 4, pp. 137–171. (In Russ.)
9. Morozov D.V. 2018. Prestupnost' v Latinskoj Amerike: nestandartnye podkhody k izucheniyu problem [The crime in Latin America: Non-standard approaches in the researching on the issue]. *Latinskaya Amerika*, no. 7, pp. 95–101. DOI: 10.31857/S0044748X0000027-8. (In Russ.)

10. Martynov B.F. (ed.). 2014. *Organizovannaya prestupnost' — vyzov bezopasnosti Latinskoï Ameriki* [The organized crime — the security challenge to the Latin America]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

11. Pyatakov A.N. 2023. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' v stranakh Latinskoï Ameriki: sovremennye tendentsii razvitiya i voenno-silovye sposoby protivodeistviya [Transnational organized crime in Latin America: Current trends and prospects for military crime-fighting operations]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93. (In Russ.)

12. Repko S.I. 2017. Gibriddnye voiny SShA (1979–2017) [American hybrid wars (1979–2017)]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennyye nauki*, no. 778, pp. 156–165.

13. Rumyantsev N.V., Omelin V.N. 2018. Vzaimosvyaz' organizovannoi prestupnosti s mezhdunarodnymi terroristicheskimi, ekstremistskimi gruppirovkami [Relationship between organized crime and international terrorist and extremist groups]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, no. 3 (43), pp. 209–213. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10333. (In Russ.)

14. Martynov B.F. (ed.). 2017. *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoï Amerike i stranakh Karibskogo basseina* [Contemporary organized crime in Latin America]. Moscow, Ves' mir, ILA RAN Publ. (In Russ.)

15. Strigunov K.S. 2024. *Sovremennye neklassicheskie voiny: formy, metody, tekhnologii* [Modern non-classical wars: Forms, methods, technologies]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. (In Russ.)

16. Strigunov K.S., Manoilo A.V., Petrenko A.I. 2022. *Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii* [Drug cartels and criminal networks. The dawn of dark globalization]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. (In Russ.)

17. Glinkin A.N. (ed.). 2002. *Transnatsional'nyi narkobiznes: novaya global'naya ugroza* [Transnational drug trafficking: A new global threat]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

18. Arias E. 2013. The impacts of differential armed dominance of politics in Rio de Janeiro, Brazil. *Studies in Comparative International Development*, vol. 48, no. 3, pp. 263–284.

19. Arruda A. 2020. *O Primeiro Comando da Capital como ameaça para a segurança nacional*. Rio de Janeiro, Escola de Comando e Estado-Maior do Exército.

20. Baptista A. 2019. *A ideologia a serviço do crime: O Primeiro Comando da Capital segundo a teoria da insurgência*. Rio de Janeiro, Escola de Guerra Naval.

21. Barnes N. 2017. Criminal politics: An integrated approach to the study of organized crime, politics, and violence. *Perspectives on Politics*, vol. 15, no. 4, pp. 967–987. DOI: 10.1017/S1537592717002110.

22. Bicudo H. 2000. A unificação das polícias no Brasil. *Estudos Avançados*, vol. 14, no. 40, pp. 91–106.
23. Bunker R. 1997. Epochal change: War over social and political organization. *Parameters*, vol. 27, no. 2, pp. 15–25. DOI: 10.55540/0031-1723.1821.
24. Bunker R. 2013. Introduction: The Mexican cartels — organized crime vs. criminal insurgency. *Trends in Organized Crime*, vol. 16, pp. 129–137. DOI: 10.1007/s12117-013-9194-4.
25. Bustamante A. 2020. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales. *Entretextos*, vol. 12, no. 35, pp. 1–17. DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.
26. Castro A. et al. 2023. Organização criminosa transnacional: A internacionalização do Primeiro Comando da Capital. *Revista Ibero-Americana De Humanidades, Ciências E Educação*, vol. 9, no. 10, pp. 6734–6752. DOI: 10.51891/rease.v9i10.12208.
27. Tilly Ch. 1985. War making and state making as organized crime. In.: Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.). *Bringing the state back in*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 169–187.
28. Christino M., Tognolli C. 2017. *Laços de sangue: A história secreta do PCC*. São Paulo, Matrix.
29. Miklaucic M., Brewer J. (eds.). 2013. *Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization*. Washington, D.C., National Defense University Press.
30. Coutinho L. 2019. The evolution of the most lethal criminal organization in Brazil — the PCC. *Prism: A Journal of the Center for Complex Operations*, vol. 8, no. 1, pp. 56–67.
31. Couto V., Filho C. 2019. Milícias: O crime organizado por meio de uma análise das redes sociais. *Revista Brasileira de Sociologia*, vol. 7, no. 17, pp. 201–221. DOI: 10.20336/rbs.480.
32. Dias C. 2009. Da guerra à gestão: A trajetória do Primeiro Comando da Capital (PCC) nas prisões de São Paulo. *Revista Percurso: Sociedade, Natureza e Cultura*, vol. 2, no. 10, pp. 79–96.
33. Diniz V., McBrien J. 2022. Children and drug trafficking in Brazil: Can international humanitarian law provide protections for children involved in drug trafficking? *Societies*, vol. 12, no. 6, pp. 1–16. DOI: 10.3390/soc12060183.
34. Dishman C. 2001. Terrorism, crime and transformation. *Studies in Conflict and Terrorism*, vol. 24, no. 1, pp. 43–58. DOI: 10.1080/10576100118878.
35. Alvares C. (ed.). 2017. *Escenarios y desafíos de la seguridad multidimensional en Colombia*. Bogotá, Escuela Superior de Guerra.
36. Foley C. 2022. Legitimate targets: What is the applicable legal framework governing the use of force in Rio de Janeiro? *Stability: International Journal of Security and Development*, vol. 10, no. 4, pp. 1–19. DOI: 10.5334/sta.826.

37. Fonseca G. 2020. The use of terrorist tools by criminal organizations: The case of the Brazilian Primeiro Comando da Capital (PCC). *Perspectives on Terrorism*, vol. 14, no. 4, pp. 64–82.
38. Restrepo J., Aponte D. (eds.). 2009. *Guerra y violencias en Colombia, heramientas e interpretaciones*. Bogota, CERAC.
39. Hoffman F. 2007. *Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars*. Arlington, Potomac Institute for Policy Studies.
40. Hofmann C., Schneekener U. 2011. Engaging non-state armed actors in state and peace-building: Options and strategies. *International Review of the Red Cross*, vol. 93, no. 883, pp. 603–621. DOI: 10.1017/S1816383112000148.
41. Kan P. 2012. *Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security*. Sterling, Potomac Books, Inc.
42. Khoday A. 2016. Resisting criminal organizations: Reconceptualizing the 'political' in international refugee law. *McGill Law Journal*, vol. 61, no. 3, pp. 461–509.
43. Kleffner J. 2019. The legal fog of an illusion: Three reflections on 'organization' and 'intensity' as criteria for the temporal scope of the law of non-international armed conflict. *International Law Studies*, vol. 95, no. 1, pp. 172–177.
44. Klein C. 2019. *O processo de pacificação das FARC e os efeitos no crime organizado transnacional na fronteira terrestre do Brasil*. Rio de Janeiro, Escola de Comando e Estado-Maior do Exército.
45. Flores Pérez C.A. (ed.). 2018. *La crisis de seguridad y violencia en México. Causas, efectos y dimensiones del problema*. México, Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropología Social.
46. Le Cour Grandmaison R. 2021. Becoming a violent broker: Cartels, auto-defensas, and the state in Michoacán, Mexico. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, no. 112, pp. 137–158. DOI: 10.32992/erlacs.10874.
47. Leão A., Blanco G. 2022. A busca do estado em combater a evolução do crime organizado em Santa Catarina. *Revista de Ciências Jurídicas e Empresariais*, vol. 23, no. 1, pp. 2–11. DOI: 10.17921/2448-2129.2022v23n1p2-11.
48. Lima M., Oliveira A., Leão S. 2022. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira à luz da série guerra sem fim: O povo. *Recima21 — Revista Científica Multidisciplinar*, vol. 3, no. 6, pp. e361566. DOI: 10.47820/recima21.v3i6.1566.
49. Lins I., Machado C. 2023. O crime é político: Elementos teóricos para uma análise neoinstitucionalista das milícias no Rio de Janeiro. *Revista Brasileira de Ciência Política*, no. 42, pp. 1–33. DOI: 10.1590/0103-3352.2023.42.271780.
50. Makarenko T. 2004. The crime-terror continuum: Tracing the interplay between transnational organised crime and terrorism. *Global Crime*, vol. 6, no. 1, pp. 129–145. DOI: 10.1080/1744057042000297025.

51. Manso P. 2020. *A república das milícias: Dos esquadrões da morte à era Bolsonaro*. São Paulo, Todavia.

52. Manwaring M. 2005. *Street gangs: The new urban insurgency*. Carlisle, US Army War College Press.

53. Misse M. 2006. *Crime e violência no Brasil contemporâneo: Estudos de sociologia do crime e da violência urbana*. Rio de Janeiro, Lumen Juris.

54. Misse M. 2007. Mercados ilegais, redes de proteção e organização local do crime organizado no Rio de Janeiro. *Estudos Avançados*, vol. 21, no. 61, pp. 139–157.

55. Moore L. 2002. The structure of war: Early fourth epoch war research. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 13, no. 2, pp. 159–170. DOI: 10.1080/09592310208559189.

56. Bunker R. (ed.). 2005. *Networks, terrorism and global insurgency*. London, New York, Routledge.

57. Neves A. 2019. *Atores não estatais-violentos no Brasil como desafios à paz: Um estudo de caso sobre o conflito entre Comando Vermelho e Primeiro Comando da Capital (2016–2018)*. João Pessoa, Universidade Federal da Paraíba.

58. Palma N. 2023. Is Rio de Janeiro preparing for war? Combating organized crime versus non-international armed conflict. *International Review of the Red Cross*, vol. 105, no. 923, pp. 795–827. DOI: 10.1017/S1816383123000127.

59. Pastor R. 2021. *Pelo estado, com o estado e no estado: Análise das peças e mecanismos que compõem o fenômeno das milícias no Rio de Janeiro*. PhD Thesis. Recife.

60. Pavão dos Santos R. 2021. O Primeiro Comando da Capital como uma questão de segurança Internacional. *Revista Hoplos*, vol. 5, no. 9, pp. 92–108.

61. Peterke S. 2011. Legitimidade e legalidade das ‘milícias’ no Brasil atual. *Prima Facie*, vol. 10, no. 18, pp. 86–107.

62. Jervas G. (ed.). 1998. *Report on terrorism*. Stockholm, Swedish Defence Research Establishment.

63. Schneider É. et al. 2019. Dynamic networks model mediated by confinement. *Applied Network Science*, vol. 4, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1007/s41109-019-0143-2.

64. Shelley L., Picarelli J. 2005. Methods and motives: Exploring links between transnational organized crime and international terrorism. *Trends in Organized Crime*, vol. 9, no. 2, pp. 52–67. DOI: 10.1007/s12117-005-1024-x.

65. Silva A. 2018. *O combate às facções criminosas cariocas sob os princípios de David Galula*. Rio de Janeiro, Escola Superior de Guerra.

66. Sullivan J. 2019. The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars. *Revista Do Ministério Público Militar*, vol. 46, no. 31, pp. 13–30.

67. Sullivan J. 1997. Third generation street gangs: Turf, cartels, and net warriors. *Transnational Organized Crime*, vol. 3, no. 3, pp. 95–108.

68. Tabôas M. 2022. *As organizações criminosas e sua rede de relacionamento: Um estudo sobre os presos custodiados na penitenciária federal em Brasília*. PhD Thesis. Brasília.

69. Van Creveld M. 1991. *The transformation of war*. New York, The Free Press.

70. Williams P. 2012. The terrorism debate over mexican drug trafficking violence. *Terrorism and Political Violence*, vol. 24, no. 2, pp. 259-278. DOI: 10.1080/09546553.2011.653019.

71. Wu J. et al. 2024. A social network analysis of an MS-13 network: Structure, leadership roles, and the use of confidential informants. *International Criminology*, pp. 1-13. DOI: 10.1007/s43576-024-00113-9.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024;
одобрена после рецензирования 03.07.2024;
принята к публикации 06.08.2024

The paper was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 03.07.2024;
accepted for publication 06.08.2024